

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Памяти академика В. П. Волгина

М.: НАУКА. 1964. С.399-441

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи.

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

(темным шрифтом выделены статьи, размещенные в нашей библиотеке)

В.А.Дунаевский, Б.Ф.Поршнев. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963)

Н.Е.Застенкер. Ленин о домарксовом утопическом социализме

Морис Домманже. Истоки социальных идей Жана Мелье (к 300-летию со дня рождения)

М.А.Барг. Генезис идеологии истинных левеллеров

Жан Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо

В.С.Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты

Ю.П.Мадор. Эстетические взгляды французских утопических социалистов первой половины XIX в. 223

К.Э.Кирова. Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830—1840)

А.Д.Колпаков. Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов

Карл Оберман. К распространению социалистических идей в Рейнской провинции в 1844—1845 гг.

А.И.Володин. О начале социалистической мысли в России

Е.Л.Рудницкая. Социалистические идеалы Н.П.Огарева

В.Р.Лейкина-Свирская. Утопический социализм, петрашевцев

В.Э.Кунина. История создания нового проекта Общего устава и Организационного регламента I Интернационала (1872)

Ю.Я.Мошковская. Новейшие труды о немецком утопическом социализме XVIII в.

В.М.Далин. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Аррасской тюрьме
Письма В.Г.Короленко, Н.Ф.Анненского и В.А.Мякотина В.П.Волгину

Вера Романовна ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ ПЕТРАШЕВЦЕВ

У истоков развития революционно-демократической мысли в России мы находим социалистические утопии о будущем обществе. Социалистическая интеллигенция возникает «начиная с кружка петрашевцев», отмечал В. И. Ленин¹, т. е. с 40-х годов XIX в. К этому же времени он относил начало полувекового периода исканий правильной революционной теории, в результате которых Россия «поистине выстрадала» марксизм².

Революционный марксизм, выступивший в Западной Европе перед 1848 г., поставил ближайшей целью — «формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти»³.

Для России, страны крепостного права и деспотической монархии, ближайшей исторической задачей был переход к буржуазному строю. Теория научного социализма, которая была «выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы»⁴, выражением исторического движения рабочего класса в капиталистических странах, в России долго оставалась недоступной самым передовым умам. Здесь движение рабочего класса было еще делом будущего. Но одновременно с рождением на Западе научного социализма среди русской передовой интеллигенции получили широкое распространение учения критически-утопического социализма. В России они выражали другое историческое движение — подъем классовой борьбы крепостного крестьянства, сопровождавший кризис феодально-крепостнического строя.

Разрушительная критика буржуазного общества в сочинениях утопических социалистов и коммунистов шла на вооруже-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 438.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 78.

³ Коммунистический манифест. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 437—438.

⁴ Там же, стр. 438.

ние формировавшейся революционно-демократической идеологии, метко разила противоречия и пороки крепостнической действительности. В настоящее время у нас признано положение о связи утопического социализма в России 40-х годов с революционно-демократической идеологией, складывавшейся в период кризиса крепостнической формации⁵.

Однако это общее положение нуждается в дальнейшей разработке.

В период культа Сталина всякое признание влияния западноевропейских идей на русское освободительное движение трактовалось как проявление космополитизма. Но это влияние является несомненным фактом.

В 40-х годах в Россию вливался из-за границы поток социально-политической и философской литературы, особенно из Франции, которая в то время «разливалась по всей Европе идеи социализма»⁶. О неисчерпаемом количестве этой литературы свидетельствуют обширные списки, составленные Петрашевским по каталогам иностранных книгопродавцов⁷.

Несмотря на цензурный барьер, в Россию было ввезено, по данным Комитета цензуры, иностранной, в 1832—1849 гг. свыше 9 млн. экземпляров книг, не считая других произведений иностранной печати⁸.

⁵ См. И. Г. Блюмин. Русский фурьеризм 40-х годов XIX в. Известия Академии наук СССР. Отд. общественных наук, 1938, № 1—2; А. М. Левитов. Вопросы политической мысли в кружках петрашевцев. Уч. зап. Ростовского н/Д финансово-экономического ин-та, т. 1, 1941; И. И. Зильберфарб. Идеи Фурье в России в 30—40-х годах XIX в. «Исторические записки», т. 27, 1948; В. Е. Евграфов. Социально-политические и философские взгляды петрашевцев. В сб.: «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953; он же. Общественно-политические и философские взгляды петрашевцев. В кн.: «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. 1, 1955; В. Р. Лейкина-Свирская. Революционная практика петрашевцев. «Исторические записки», т. 47, 1954; она же. О характере кружков петрашевцев. «Вопросы истории», 1956, № 4; она же. Петрашевцы. Л., 1956; Н. В. Минаева. Идеи утопического социализма во взглядах петрашевцев.—«Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та», т. 78, кафедра истории СССР, вып. 4, 1957; В. С. Мартыновская. Социально-экономические воззрения петрашевцев. Экономические взгляды В. А. Милютина. «История русской экономической мысли», т. 1, ч. 2. М., 1958; она же. «К вопросу о русском утопическом социализме 40-х годов». «Вопросы экономики», 1958, № 8; И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958 и др.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 271.

⁷ См. «Дело петрашевцев», т. 1. М.—Л., 1937, стр. 559—577. В сб.: «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев» (М., 1953) эти списки неправильно представлены как список книг библиотеки Петрашевского. В действительности большей части этих книг у него не было.

⁸ В 1832 г. было ввезено 200 тыс. книг, в 1837—400, в 1839—600, в 1844—703, в 1846—547, в 1847—свыше 836, в 1848—252 тыс. (снижение, вызванное новыми запретами), в 1849—свыше 564 (ЦГИАЛ, ф. 722, д. 149541, л. 28, 32). Цензура рассморгрела за это время около 21 тыс. названий, из которых было запрещено «безусловно» 52 названия, «для

Выяснение того, что читали петрашевцы, помогает осветить их искания в области революционной теории⁹.

Петрашевцы интересовались историей революционного движения. Читали запрещенную книгу Луи Блана «История французской революции» (1847 г.) и «Историю жирондистов» Ламартина. Эти книги К. Дебу давал читать Э. Ващенко. Отдельные тома Луи Блана были взяты у Спешнева. Читали «Историю французской революции» Мишле (1847) (Ханьков и Данилевский — по записи книг). В. Кайданов просил прислать ему «Историю монтаньяров» А. Эскироса 1847. Из этой истории монтаньяров делал выписки Петрашевский.

Он многим рекомендовал книгу иезуита Баррюэля, в русском переводе называвшуюся «Вольтерианцы, или История о якобинцах» (М., 1805, в 12 томах). Эта книга, написанная крайним реакционером, содержала много сведений о практике революционной конспирации. Петрашевский давал ее, между прочим, Момбелли во время совещаний о гайном обществе.

Многие петрашевцы читали знаменитую в свое время «Историю десяти лет» Луи Блана (1843 г.), которую Энгельс считал «признанным пособием для всей революционной партии» как в Германии, так и во Франции¹⁰, которая «была откровением» для Белинского. По записи, ее брали Достоевский и, вероятно, Ламанский и В. Милютин. Ее читали И. Дебу, Д. Ахшарумов, Н. Момбелли. Ханьков давал Чернышевскому «Paris révolutionnaire» (1838 г.). «Историю итальянской революции» Э. Кинэ читали Львов и Ахшарумов (запись).

Следует отметить интерес петрашевцев к истории крестьянской войны XVI в. в Германии, непосредственно связанный с их отношением к борьбе крепостных крестьян. Книгу А. Вейля «Крестьянская война» (A. Weill. La guerre des paysans. Paris, 1845) «с самым живым интересом» читал В. Кайданов в Ростове; ее конспектировал И. Дебу.

Из имевшихся у Петрашевского книг по вопросам государственного устройства и политической борьбы нам известен «Политический словарь» Гарнье-Пажеса, статьи которого он давал читать Антонелли, пытаясь политически воспитать его. Он давал ему еще ряд изданий с тем, чтобы тот изложил свои мысли «с применением к нашему быту». Среди них были книги А. Токвиля «Демократия в Америке» (1835), А. Блана об истории тайных обществ (A. Blanc. Histoire des conspirations et

публики»—2631 и разрешено «за исключением предосудительных мест»—2690 названий, т. е. подверглось цензурным репрессиям свыше 25% книг.

⁹ Сведения о чтении петрашевцев можно извлечь из их произведений, из показаний, из донесений агента Антонелли, из списков книг, взятых при арестах, а также из записи выдаваемых книг, делавшейся Петрашевским в 1845—1848 гг. Копия этой записи имеется в фонде В. И. Семевского в Моск. отд. архива АН СССР, ф. 489, д. 117 (в дальнейшем — запись).

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 168.

des exécutions politiques, contenant l'histoire des sociétés secrètes, Espagne et Portugal. Paris, 1846), Пельтана о февральской революции (*Histoire de trois journées de fevrier, par Pelletan*, 1848), «Конституция Французской республики с приложением декрета об избрании президента» (1849)¹¹. Книгу Токвиля читал также Плещеев (запись). Баласогло брал Бенжамена Константа «*Cours de la politique constitutionnelle*» (запись).

Наибольший интерес у петрашевцев вызывала социально-экономическая литература, в особенности работы социалистического направления, противопоставлявшиеся буржуазным экономистам. Книгой Е. Бюре о нищете рабочего класса в Англии и во Франции (*E. Buret. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. Bruxelles, 1842*) широко пользовался в своих статьях В. Милютин; на нее мы найдем ссылки и в «Карманном словаре» в статье «Корпорация». В книгах Петрашевского была взята «*Histoire de la classe ouvrière depuis l'Esclave jusqu'au Proletaire de nos jurs par Robert (du Var)*». Paris, 1845.

В списках изданий, отобранных Петрашевским по каталогам для последующих заказов, значилась книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Книга эта, вышедшая в 1845 г., еще не проникла в Россию; это доказывается тем, что в статьях Милютина о пролетариате нет упоминания о ней.

Охотно читались общие труды по истории социализма. Одним из них была книга буржуазного историка К. Бидермана «Чтения о социализме и социальных вопросах» (*Vorlesungen über Sozialismus und sociale Fragen. Leipzig, 1847*). Выписки из нее были найдены в бумагах Петрашевского. Толь в сентябре 1848 г. также конспектировал и переводил лекции Бидермана, получив эту книгу от Петрашевского; перевод этот был взят в его бумагах. Бидермана переводил для своего кружка В. Кайданов в Ростове. Толь брал у Петрашевского также книгу буржуазного либерала Лор. Штейна, направленную против утопического социализма, *Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs* (Leipzig, 1842).

Большой популярностью пользовалась в кругу петрашевцев запрещенная книга мелкобуржуазного социалиста Ф. Видаля «О распределении богатств» (*De la répartition des richesses, ou de justice distributive en économie sociale. Paris, 1846*). Видадь критически излагал учения буржуазных экономистов, начиная с физиократов и «либеральной школы» Смита и кончая «критической школой» Сисмонди и «эклектической школой», господствовавшей в тогдашней политической экономии. Интересуясь проблемой распределения, Видадь подробно знакомил с

социалистическими теориями школ Сен-Симона, Фурье и коммунистов-утопистов. Таким образом эта книга служила популярным пособием по истории экономических учений. Практические же выводы Видаля страдали крайним оппортунизмом, коренные политические реформы он считал для тогдашнего времени невыполнимой утопией, предлагая некоторые благотворительные меры и устройство производительных и потребительских ассоциаций на средства, занятые у капиталистов. Видаля читали Салтыков, Михайлов, Спешнев, Ламанский (запись). Книга была взята при аресте у К. Тимковского, Н. Кайданова, П. Ламанского. Подробный конспект книги Видаля был сделан И. Дебу. «Историю социальных идей» Вильгарделя (*F. Villegardelle. Histoire des idées sociales avant la révolution française. Paris, 1846*), читал Плещеев (запись).

Сенсимонистская и оуэнистская литература, видимо, не имела много читателей. Нескольких книг Анфантена и «Сочинения» Сен-Симона были взяты у Головинского. «Новое христианство» (*Nouveau christianisme. Paris, 1841*) Сен-Симона читал В. Майков (запись). Об учении Сен-Симона читал Мадерский. Оуэна читал Плещеев (запись).

Зато литература школы фурьеристов пользовалась в кругу петрашевцев большим распространением. Знатоками работ Фурье, кроме Петрашевского, были Ханьков, Н. Данилевский, И. Дебу и др. У многих имелось собственное собрание сочинений Фурье и отдельные его книги (взяты у Спешнева, у Н. и В. Кайдановых). Книги Фурье были у Ахшарумова. К. Дебу давал Ващенко сочинение Фурье «*La fausse industrie*». Ханьков давал книги Фурье Чернышевскому. Участники обеда 7 апреля 1849 г. разделили между собой экземпляр «Теории всемирного единства» (*Théorie de l'unité universelle*) для перевода. Отдельные произведения Фурье брали из библиотеки Петрашевского Ястржембский, Кузьмин, Ханьков, Михайлов, Барановский и др.

Многочисленных читателей имели различные популяризаторы учения Фурье, в том числе глава фурьеристской школы Виктор Консидеран. В. Кайданов из Ростова просил прислать ему «элементарных изложений системы Фурье, пера Консидерана или кого-нибудь подобного». Отдельные книги Консидерана читали — Ховрин, Плещеев, Энгельсон, Ханьков, Салтыков, Н. Кайданов, Ахшарумов (запись), Ващенко. Отрывок о воспитании и другие главы из «*Destinée sociale*» Консидерана читали вслух на собраниях у Кашкина. Эту книгу впоследствии охотно перечитывал И. Дебу в осажденном Севастополе. Запрещенную книгу о фурьеризме Габриэля Габе (*Gabé. Traité élémentaire de la science de l'homme, Paris, 1842*) читали Ханьков, Львов, Кропотов (запись); Мадерский давал ее читать чиновнику А. А. Сидорову. Книгу Ш. Пеларена о Фурье

¹¹ Донесение Липранди Л. Перовскому 27 февраля 1849 г., Отдел рукописей Всесоюзн. б-ки им. Ленина, ф. Общества истории и древностей российских, № 221/1, лл. 18 об.— 19.

(Ch. Pellarin. Chales Fourier, sa vie et sa Théorie, Paris, 1843) читали Спешнев (запись) и Ахшарумов. Запрещенную в сентябре 1848 г. книгу о фурьеризме Ип. Рено (Hippolyte Renaud. Solidarité. Vue sinthétique sur la doctrine de Ch. Fourier. Paris, 1846) читали Кайданов, Плещеев, Ламанский (запись). Книгу Гатти де Гамон (L. Gatti de Gamond. Fourier et son système) читал Мадерский, она имелась у Головинского. Набор фурьеристских книг и брошюр был взят у Спешнева и у Головинского.

Охотно читались фурьеристские журналы. Номера «Фаланги» («Phalange»), издаваемой Консидераном, были взяты у Петрашевского и у И. Дебу. Ее читали В. Майков, Н. Данилевский, Кайданов, Энгельсон, Ханыков, Беклемишев, Дебу и др. (запись). Ханыков давал ее Чернышевскому. Этот журнал нетерпеливо просил прислать В. Кайданов. Газету Консидерана «La démocratie pacifique» читал Ханыков (запись).

Учения утопического коммунизма были известны петрашевцам по «Путешествию в Икарию» Этьена Кабэ, книге, запрещенной в 1848 г. Ее читали Нелюбин, Плещеев (запись), Ахшарумов. «Истинное христианство» Кабэ («Le vrai christianisme suivant J. Christ». Paris, 1846) читали Ф. Достоевский и Спешнев. Михайлов читал Морелли «Кодекс природы» (запись). У Спешнева было взято сочинение Теодора Дезами «Иезуитизм, побежденный и уничтоженный социализмом» (Le jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme ou les constitutions des jésuites et leurs instructions secrètes en parallèle avec un projet d'organisation du travail. Paris, 1845), которое он внимательно изучал, как видно из его писем Э. Хоецкому.

В кругу петрашевцев много читали запрещенного Прудона. Книгу «Система экономических противоречий или философия нищеты» (1846), производившую сильное впечатление на Герцена, читали Салтыков, Ховрин, Михайлов, В. Майков, Спешнев, Достоевский, Кузьмин, П. Ламанский и др. (запись). На знаменитое сочинение Прудона «Что такое собственность» ссылается Петрашевский в «Карманном словаре».

К сожалению, утеряны имевшиеся в бумагах Петрашевского «Замечания на сочинение Прудона Philosophie de la misère» и взятая у Спешнева чья-то рукопись «Выводы из сочинения Прудона Philosophie de la misère»¹². Эти документы могли бы выяснить влияние Маркса на критическое отношение их авторов к Прудону. Критика «Философии нищеты» Марксом была уже известна в России как из его письма П. В. Анненкову 1846 г.¹³, так и из книги, написанной Марксом в 1847 г. в ответ Прудону. «Нищета философии» Маркса имелась в библиотеке

¹² ЦГАОР СССР, ф. III. Отделения, 1 экз., 1849 г., д. 214, ч. 141, л. 287 об.

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 401—412.

Петрашевского и ее читали Спешнев и А. М. Михайлов, оба, очевидно, в связи с тем, что прежде познакомились с книгой Прудона. Во всяком случае Спешнев весьма критически относился к философии Прудона.

Книга Луи Блана «Organisation du travail» (Paris, 1848, 4-me edit.) была взята у П. Ламанского. Ханыков и Ахшарумов читали речи политических деятелей в Национальном собрании 1848 г. о праве на труд (Le Droit au travail) (запись).

Большой популярностью у передовых людей 40-х годов пользовался мелкобуржуазный социалист Пьер Леру, о котором Грановский отзывался как об «одном из самых умных и благородных людей в Европе»¹⁴. «Гуманитарную теорию» Леру хорошо знал Спешнев. Из сохранившихся в деле П. Ламанского записок видна любопытная картина, как два молодых чиновника собираются провести вечер за чтением выписок из книги П. Леру «De l'humanité, de son principe et son avenir». Книга Леру «De l'égalité suivi d'aphorismes sur la doctrine de l'humanité» (1848) имелась у Петрашевского. Одно из сочинений Леру брал у Момбелли Львов.

Журнал П. Леру «Revue Independante», издаваемый им в Париже вместе с Ж. Занд и Луи Виардо, имевшийся в библиотеке Петрашевского, читали Салтыков, Ховрин, Семенов, Милютин (запись), Толь. Редакция этого журнала интересовалась русскими вопросами и предлагала Спешневу посылать статьи о России.

«Новая энциклопедия» («Encyclopedie nouvelle»), под редакцией П. Леру и Ж. Рейно, выходившая отдельными выпусками в 1834—1837 и 1841 гг., ставившая задачу дать «картину человеческих знаний в XIX столетии», также вызвала большое одобрение в кругах передовой интеллигенции. Ее рекомендовал Белинскому Грановский. Баласогло, резко критиковавший все иностранные энциклопедии, наполненные, по его мнению, псевдонаучным мусором, выделял из них энциклопедию Леру, которая «насквозь проникнута философией и, что всего важнее, той неопределенной, но могущественной теплотой изложения, какая дается только самым задушевным убеждением»¹⁵.

Значительное место в кругу чтения петрашевцев занимала материалистическая и антирелигиозная литература¹⁶.

На вечерах у Момбелли читали переводы из антирелигиозных статей энциклопедистов, из Вольтера («Мария Магдалина», «Царь Соломон») из Волнея («Взгляд на религию»). Сочинения Вольтера из библиотеки Петрашевского читали Мом-

¹⁴ Т. Н. Грановский и его переписка, т. II. М., 1897, стр. 440.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 647, д. 5. Рукопись А. П. Баласогло. «Об изложении наук». Лл. 166 об., 174.

¹⁶ См. В. Р. Лейкина-Свирская. Атеизм петрашевцев. В сб.: «Вопросы истории религии и атеизма», т. III, 1955.

белли, Ховрин, какой-то М. Е. Б. (запись), Мадерский. Интересно, что сочинения Вольтера имели распространение и в мещанской среде, которую петрашевцы считали благоприятной для демократической пропаганды. Так, П. Г. Шапошников дал Наумову «Естественный закон» Вольтера (СПб., 1842).

Дидро читали Милютин, Дуров и др. Гельвеция читал Кропотов, Гольбах — М. Е. Б., Кондорсе — Н. Кайданов и М. Е. Б. (запись). С сочинениями Кабаниса были знакомы Салтыков и Ханьков.

Большой популярностью пользовался Людвиг Фейербах. Его запрещенные сочинения были взяты у Петрашевского. В конце февраля 1849 г. Ханьков дал Чернышевскому «Сущность христианства» Фейербаха¹⁷. Фейербахом и Бруно Бауэром пользовался Толь в своем докладе о религии. Хорошо знал Фейербаха Спешнев. Рукописный перевод антирелигиозной брошюры Ф. Фейербаха (брата философа) под названием «Религия будущности» был найден в бумагах Б. И. Утина; он давал его Катеневу, а тот также использовал эту рукопись для пропаганды.

Большое распространение получила книга Л. Штрауса «Жизнь Иисуса» (*Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet von David Friedrich Strauss. Tübingen, 1835* и др. издания), принадлежавшая к числу «безусловно запрещенных». Она была взята у Петрашевского (французское издание) и у К. Тимковского. Из библиотеки Петрашевского ее брали Ламанский и Достоевский (запись). Ее подробно конспектировал И. Дебу.

Запрещенную книгу М. Штирнера «Единственный и его собственность» (*Der Einzige und sein Eigentum, 1845*) брал В. Энгельсон (запись). С философскими работами О. Конта были знакомы В. Милютин, В. Майков, Н. Кашкин. Из библиотеки Петрашевского Конта читали Н. Кайданов, Энгельсон (запись).

Таким образом, через кружок петрашевцев распространялись наиболее значительные произведения западноевропейской социально-политической и философской литературы. Эта литература давала много ценного для политического и социального просвещения передовой интеллигенции. Не только критически-утопический социализм, но и реакционный мелкобуржуазный социализм сделали достоянием русской общественной мысли подмеченные ими противоречия в капиталистических производственных отношениях. Мелкобуржуазный социализм, указывая «Коммунистический манифест», «разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства

¹⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1939, стр. 248. В записях розданных Петрашевским книг Фейербах записан за каким-то Рер. Может быть, в копии В. И. Семева так прочтено начало фамилии Чернышевского.

и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства, истребительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей»¹⁸.

Критика капиталистического общества утопистами имела огромную историческую ценность. Критика Фурье показала, по словам Энгельса, как можно признать существующее общество совершенно негодным и одной только критикой буржуазии, — именно ее внутренних взаимоотношений, не касаясь ее отношения к пролетариату, — прийти к выводу о необходимости переустройства общества¹⁹. Энгельс считал, что в этой критике Фурье оставался единственным.

Понятно, что критическая сторона произведений Фурье оказывала большое воздействие и на русских читателей. Многие петрашевцы открыто объявляли себя социалистами «фурьеристского толка». Петрашевский писал об этой стороне учения Фурье: «Прочтешь его критический разбор жизни общественной, указание ее несообразностей, даже для человека без предрассудков, с хорошим философским образованием, — все равно, что заново родиться»²⁰.

Критика капиталистического строя была известна еще декабристам. В 40-х годах она получила многостороннее развитие в статьях Белинского, Герцена, в работах В. Милютина, в высказываниях петрашевцев. Милютин в работе о положении европейского пролетариата интерпретировал глубокую мысль Фурье, что «в цивилизации бедность порождается самим избытком». Мерилом бедности, утверждает Милютин, является не одно лишь число ее жертв, но и самое качество, существо зла. Государства богатые и образованные имеют «незавидный перевес» над государствами бедными и невежественными, в которых есть бедность, но нет нищеты. «Нищета, как бедность сознательная, сопровождаемая страданиями физическими и нравственными, есть последствие цивилизации, удел обществ развитых». Нищета «как источник страданий... развивается вместе с развитием самого общества»²¹.

* * *

Интерес передовых людей 40-х годов к социальной тематике поддерживался и воспитывался также богатым материалом о положении различных общественных классов, который предла-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 450.

¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 584

²⁰ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 76.

²¹ В. А. Милютин. Избранные произведения. М., 1946, стр. 166—167.

гала русская реалистическая литература — Гоголь, Тургенев, Герцен, Некрасов, плеяда писателей натуральной школы.

Непосредственное воздействие должна была оказывать сама жизнь такого города, как Петербург, в которой проявлялись характерные черты капиталистического развития. Новые буржуазные отношения, основанные на денежных расчетах и наемном труде, еще острее подчеркивали, что основным классовым противоречием продолжало оставаться противоречие крепостнической системы: мужика в городе эксплуатировал подрядчик, хозяин, фабрикант, но за ними неизменно стоял барин-владелец, налагавший руку на заработок своего крепостного.

Петербург был наполнен пришлыми крестьянами и дворовыми, оброчниками и отходниками, работавшими по найму или занимавшимися мелкой торговлей. В 1844 г. крепостные составляли около $\frac{2}{3}$ общего числа работников и учеников ремесленных цехов Петербурга и около $\frac{3}{5}$ неполноправных ремесленников — временноцеховых²². Статистика 40-х годов учитывала в качестве «рабочих» десятки тысяч поденщиков — строителей (землекопов, плотников, каменщиков), дворников, а в качестве постоянных «чернорабочих» — мусорщиков, трубочистов, водовозов²³. Ежегодно весной и летом в Петербург приходило до 60 тыс. сезонных рабочих, готовых на самые тяжелые и грубые работы²⁴.

Индустриальные рабочие составляли небольшое меньшинство среди этой массы наемного рабочего люда. Их даже не выделяли в особую рубрику городского населения. В конце 40-х годов в Петербурге, кроме мелких мастерских и нескольких казенных старинных предприятий, существовало всего около десятка крупнейших новых предприятий машинной индустрии: крупные бумагопрядильни с числом рабочих от 1300 до 750 человек, два-три металлообрабатывающих завода²⁵. В глазах современников индустриальные рабочие не отличались от других «чернорабочих» ни по условиям быта, ни по взаимоотношениям с хозяевами²⁶.

²² П. Г. Рындзюнский. Крестьяне и город в дореформенной России. «Вопросы истории», 1955, № 9, стр. 34—35.

²³ К. Веселовский. Статистические исследования о недвижимых имуществах в Санкт-Петербурге. «Отечественные записки», 1848, № 3, стр. 27.

²⁴ О них см. в кн.: К. Арсеньев. Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836, стр. 164—165.

²⁵ А. А. Екимов. Из истории развития крупной машинной индустрии в Петербурге в дореформенный период (1800—1860 гг.). «Вестник Ленинградского университета», 1954, № 3, стр. 81.

²⁶ См. данные правительственной комиссии, в 40-х годах обследовавшей положение «рабочих людей». В кн.: К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России. Л., 1925, стр. 170; Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев. СПб., 1887, стр. 92.

Преобладающая масса рабочего люда Петербурга была занята, главным образом, непроизводительным обслуживающим трудом. Необходимость этих профессий была связана с низкой технической культурой труда и с паразитическими навыками господствующих классов. Этот городской плебс появляется в реалистических очерках и повестях натуральной школы и в реалистической живописи, изображающей типы «с натуры».

Развитие капиталистических отношений выражалось в неизбежном расслоении этого плебса, выделении из него буржуазных элементов и обнищании эксплуатируемой массы. В литературе появляются первые картины капиталистической эксплуатации на русской почве. Некрасов в неопубликованном при жизни романе рассказал о наборе крестьян в артели подрядчиками кабальным способом²⁷. Вопрос «об отношениях подрядчика и работников и о правах их» обсуждался петрашевцами; об этом вели спор Головинский и Толь на одном из вечеров у Плещеева в 1848 г.²⁸

В талантливых бытовых очерках П. Ефёвского изображены экономические различия между тремя группами петербургских разносчиков²⁹.

С увеличением трудящегося населения разрослось строительство доходных домов, вошла в быт практика сдачи комнат и углов квартирантателями. Сдача помещений беднякам являлась чрезвычайно выгодной коммерческой операцией. Таких угловых и комнатных жильцов «от хозяев» Веселовский насчитывал в Петербурге в 1848 г. до 120 тыс. человек. Эти трущобы, «петербургские углы», на своем опыте узнал молодой Некрасов, описавший жизнь люмпенов в своем романе.

В жилищно-бытовых условиях разных слоев общества наиболее наглядно проявлялись социальные контрасты созревающего капитализма, противоречия между миром богатства и власти и миром неимущих, продающих свой труд и цепляющихся за дневной заработок.

Полуголодный быт студентов, мелких чиновников, бедных литераторов, гувернанток, швеек, ищущих службы провинциальных помещичьих сынков и т. п. вошел в литературу 40-х годов вместе с образами Макара Деушкина, Прохарчина из ранних повестей Ф. Достоевского, Мичулина из «Запутанного дела» М. Салтыкова. Эта же обстановка передана А. Ф. Писемским в романе «Люди сороковых годов», П. М. Ковалевским в романе, отразившем историю кружка петрашевцев³⁰.

²⁷ Н. А. Некрасов. Жизнь и похождения Тихона Тростникова. М.—Л., 1931, стр. 271.

²⁸ «Дело петрашевцев», т. III. М.—Л., 1951, стр. 276.

²⁹ П. Ефёвский. Петербургские разносчики. Сб. «Вчера и сегодня», кн. 2. СПб., 1846, стр. 71—120.

³⁰ П. М. Ковалевский. Итоги жизни. «Вестник Европы», 1883, № 1.

Противоположность труда и капитала в России в это время заслонялась более яркими противоречиями господствовавших крепостнических отношений. Передовая литература в лице Т. Шевченко, Н. Некрасова, И. Тургенева, Д. Григоровича пробуждала ненависть к крепостному праву. Но были уже люди, которые подмечали элементы развивавшейся в России капиталистической эксплуатации. Они наблюдали нищету наемного рабочего люда, трущобный быт городской бедноты. Не книжные влияния, а повседневные впечатления жизни большого города с развивающимися капиталистическими отношениями отразились в размышлениях петрашевца Д. Ахшарумова. Незачем указывать на Англию, как на пример противоречий нищеты и роскоши, говорил он в своей речи 7 апреля 1849 г., — «стоит взглянуть на каждодневную жизнь нашу и полюбоваться всем, что видим кругом себя. Мы живем в столице безобразной, громадной, в чудовищном скопище людей, томящихся в однообразных работах, испачканных грязным трудом, пораженных болезнями, развратом»³¹. Эти образы давала ему русская действительность. Интересно показание Ахшарумова, что Петрашевский «увеличил значение» его речи именно в смысле «осуждения и нашего отечества вместе со всеми другими странами и столицами», в которых люди живут «одни за счет других»³².

А. Пальм в своем автобиографическом романе, говоря о впечатлениях жизни, формировавших людей его поколения, писал, что до них долетал «тяжелый вопрос труженика: насколько же обокрал меня лавочник, один раз при расчете за работу, а другой раз, когда я на этот заработанный грош купил у него фунт хлеба по установленной таксе?»³³

Дуров в одном из своих очерков с большим сочувствием рассказал об эксплуатируемых в ремесленных мастерских детях, мальчиках подмастерьях — «халатниках», буянах петербургских улиц³⁴.

Внимание молодого Салтыкова привлекло новое для России явление — безработица трудового люда, вытесняемого машиной. Постройка Петербургско-Московской железной дороги вела за собой уничтожение промысла ямщиков на этом тракте. В «Запутанном деле» он подметил, какое раздражение в имущих слоях вызывал вопрос о безработных возчиках, в котором им виделся призрак рабочего вопроса и революционных волнений. С одной стороны, выражалось опасение, что голодный

мужик двинется требовать хлеба, с другой, — стремление сильнее поприжать голодного как рабочую силу³⁵.

Для русских демократов и социалистов 40-х годов право человека на человеческие условия существования не было отвлеченным принципом. Они остро и мучительно переживали «нечеловечную действительность» материального существования трудящихся — крепостных крестьян и дворовых, городской бедноты, неимущей интеллигенции. Над безвыходной проблемой людей, лишенных общественными условиями права на место в жизни и на свое назначение, бьются герои первых повестей Салтыкова. «Горе тому, — говорит автор устами Нагибина, — у кого нет ни своего поля, ни своей хижины: право существовать — священное право, дарованное ему самою природою, — перестает быть для него действительным, ибо он не имеет чем осуществить, оправдать его». Салтыков передает трагедию обездоленного человека, для которого нет возможности раскрыть свои способности, выразить свою личность в действии. «Я хотел бы трудиться, да не над чем мне трудиться, потому что нет у меня ничего своего, ...я только отвлечение человека..., потому что для меня нет внешнего мира, в котором бы я мог выразить и познать себя»³⁶. Неимение — это «самый отчаянный *спиритуализм*, это полнейшая недействительность человека, полнейшая действительность его обесчеловеченности, это весьма положительное имение — наличие голода, холода, болезней, преступлений, унижения, отупения, всякого рода обесчеловеченности и **противоестественности**», — писали Маркс и Энгельс в 40-х годах³⁷.

Передовые люди 40-х годов в крепостной России с особой восприимчивостью относились к разоблачению классовых противоречий капиталистического общества, легко проникались социалистическим идеалом уничтожения эксплуатации человека человеком, сочувствовали теориям классиков утопического социализма, а также той защите интересов рабочего класса, которую они встречали в сочинениях Луи Блана, Прудона, Бюре и др. К первой книге Прудона «Что такое собственность» Маркс отнесся как к «научному манифесту французского пролетариата»³⁸. Русским читателям нравилась в Прудоне резкая критика частной собственности и защита эксплуатируемых. В «Системе экономических противоречий» Прудон громил Мальтуса за то, что его «закон народонаселения» приравнивал людей к животным и лишал низшие классы всякой надежды на

³¹ «Дело, петрашевцев», т. III, стр. 111.

³² Там же, стр. 126

³³ П. Альминский. Алексей Слободин. СПб., 1873, стр. 358

³⁴ С. Ф. Дуров. Халатники. «Невский альманах на 1847—1848 год». СПб., 1847, стр. 204—205.

³⁵ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. I. М., 1941, стр. 247.

³⁶ Там же, стр. 116.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 46.

³⁸ Там же, стр. 45.

человеческое существование. Критику Прудона приводит В. Милютин в своей работе о Мальтусе³⁹.

Проблема обнищания рабочих приковывала внимание периодовых деятелей 40-х годов как важнейший социальный вопрос, стоящий в капиталистических странах, а также как близкая угроза предстоящего России «пролетариатства» при вступлении ее на путь капиталистического развития.

При высоком уровне английской «мануфактуры», указывалось в «Карманном словаре», выгодами ее пользуются одни богатые, а рабочий класс, отнятый от земли, живет ничтожным заработком, изнуренный трудом, болезнями, развратом⁴⁰. Петрашевский осуждал капиталистический порядок, особенно характерный для Англии, «где целые тысячи фабричных работников в действительности нисходят на степень движущихся машин», предназначенных «служить для доставления предметов роскоши» другой части общества⁴¹.

Вопрос о пауперизме был впервые подробно освещен в русской литературе Милютиным, который показал пауперизм, как страшное зло, порождаемое самим развитием богатства в качестве его полярной противоположности. В работе «Пролетариат и пауперизм в Англии и во Франции» Милютин использовал книгу Е. Бюре «Нищета трудящихся классов в Англии и Франции», которую он называет «одной из самых блистательных и энергических протестаций против учения экономистов о пауперизме и распределении богатств»⁴². В. Милютин видел в многочисленном классе пролетариев «живой упрек современной цивилизации, предмету нашей гордости и нашего удивления»⁴³.

Милютин с горячим негодованием знакомил русских читателей с положением ирландских пауперов. Милютин показал, как безвыходная нужда безземельного земледельца заставляет его держаться за клочок земли, несмотря на полную невозможность окупить свое существование, как, дочиста обобранный и ограбленный системой аренды, он буквально «умирает с голода». «Ирландия,— писал Милютин,— как известно, по преимуществу страна нищеты; она указывает собою тот последний, крайний предел, до которого могут дойти бедствия и страдания человечества».

В статье Милютина рассказывалось также о непрерывных, ежегодных серьезных возмущениях, волнениях и восстаниях

английских «сельских классов» «против законов и общественной власти», вызванных «только одной чрезмерной нищетой»⁴⁴. Эта тема очень актуально звучала в России 40-х годов в период все учащавшихся волнений крепостных и государственных крестьян. Рассказы об ирландском голодном бедняке, питающемся одним плохим картофелем, надолго западали в сознание демократической интеллигенции. Русские читатели в условиях жизни ирландского паупера видели прообраз грядущего положения русского крестьянства в случае его освобождения без земли.

* * *

Социальные взгляды петрашевцев были неразрывно связаны и с их материалистическими представлениями о мире. Убежденные в познаваемости закономерностей природы, русские материалисты 40-х годов считали, что общие законы природы надо применять и в науках о жизни общества. «Истина в природе,— писал Кашкин в своей речи,— и из природы человек должен перенести ее в свою жизнь, в свое общественное устройство», чтобы добиться счастья и совершенства⁴⁵. Под «истиной в природе» петрашевцы подразумевали комплекс материально-биологических и социальных свойств человека, которые должны быть найдены, изучены и положены в основу общественного преобразования.

Материализм XVIII—середины XIX в. создал ошибочную теорию, подставлявшую биологические закономерности на место неоткрытых еще законов общественного развития. Эта теория характеризовалась вниманием к «природе человека» и к материальным нуждам человеческого общества. Она выдвигала положение о «нормальном развитии» человека, состоящем в наибольшем удовлетворении его, в первую очередь, материальных потребностей, и о «назначении» человека, состоящем во всестороннем развитии его способностей. Эта теория легла в основу развивавшихся учений утопического социализма. Она же подняла интерес общества к наукам о человеке.

Искания развивающейся материалистической мысли были еще далеки от исторического материализма, от понимания общественных отношений как производственных отношений. Но для своего времени эти искания, предшествовавшие научной общественной теории, созданной Марксом и Энгельсом, имели прогрессивный характер. Они отражали в сознании демократической общественности значение материальных потребностей в жизни трудящихся масс.

⁴⁴ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 246—247. Источником автору служила книга Гюстава де Бомона «Ирландия в социальном, политическом и религиозном отношении» (Париж, 1840).

⁴⁵ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 157—158.

³⁹ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 81—82.

⁴⁰ Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (далее: Карманный словарь). СПб, 1845—1846, стр. 176. (Ст. «Мануфактурная промышленность»).

⁴¹ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 543.

⁴² В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 132.

⁴³ Там же, стр. 168.

Передовые люди 40-х годов уделяли особое внимание физиологии, как науке, стоявшей в ряду естественных наук, но в то же время, по их мнению, связанной и с вопросами общественного развития и материального благосостояния масс. Петрашевский усердно изучал физиологию и медицинские науки. Он говорил на своих собраниях «о влиянии пищи на умственное развитие народа и его материальную или промышленную деятельность»⁴⁶. По мнению Толя, Петрашевский видел в физиологии «пополнение или пояснение» истории⁴⁷.

Петрашевцы разделяли убеждение, что человек является продуктом общественных условий, в которых он воспитывается и действует, и что антагонистическое общество уродует людей, извращая их природные способности и достоинства. В. Милютин горячо становился на сторону «низших классов» в Западной Европе, обвиняемых буржуазными публицистами в «деморализации». Самые пороки бедных, писал он, бывают не столько причиной, сколько следствием нищеты, которая сама служит самой энергичной причиной развращения и упадка рабочих классов⁴⁸.

Ахшарумов думал, что в обществе, где человек не свободен, не в силах достигнуть счастья, где нет выхода его страстям, где все они или сжаты, или принимают безобразное развитие,— человек «отвратителен, несносен, зол, раздражителен... потому что всю жизнь его бесили эти лишения»⁴⁹.

Лживость и лицемерие буржуазной нравственности в ее отношении к преступнику ощущал молодой Чернышевский. Он задумывался, как бы он стал относиться к своему другу, если бы тот из нужды совершил тяжелое преступление: гнушался бы им, или бы «решительно извинил его и только стал бы видеть в нем человека, еще более угнетенного судьбою, чем как до сих пор я предполагал»⁵⁰.

На вопрос «кто виноват» в том, что жизнь людей искривлена, что они не могут выпрямиться сами и вредят другим, передовая мысль 40-х годов отвечала: в преступлениях людей виновато общество, виноват общественный строй. Этой теме посвящен роман Герцена. Глубоко поставлен этот вопрос в повести молодого Салтыкова «Противоречия». Герой этой повести Нагибин считает, что это противоречие держится на «покорности существующему порядку вещей». При этой покорности «падает всякая вменяемость, освящается всякое преступление», потому что злодей вправе винить общество, которое не дало ему средств к жизни и сделало для него злодеяние привычкой. Оправды-

вается и общество, наказывающее преступника, несмотря на столько извиняющих его обстоятельств, потому что и у общества нет средств предупредить злодеяния, дать возможность людям удовлетворить своему назначению.

Но противоречие становится разрешимым на почве борьбы и отрицания существующего порядка. Салтыков прямо говорил: «средства к выходу есть, но они не даны нам». Выход из противоречия он видел в отречении от частного человеческого эгоизма в пользу общества, т. е. в самоотверженной борьбе за изменение общественного строя⁵¹.

Петрашевский доказывал, что человека не может исправить теоретическая проповедь любви к ближнему, поскольку причины преступности лежат вне человека, «в бедности, силе страстей, противоречии интересов». Он делал вывод, «что лучше не пытаться более переиначивать или искажать природу человеческую, чтоб ее приспособить к каким-либо формам быта общественного», и что «источника всего худого не следует искать в природе человеческой, но в самом устройстве житейских отношений». Надо сделать эти отношения правильными⁵².

Таким образом, передовая мысль 40-х годов, исходя из материалистического учения о зависимости человека от общественных условий, подходила к выводу о необходимости коренной переделки этих условий. Маркс указывал на прямую связь между учением материализма и социализмом. «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими»,— писал он⁵³. Должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления.

Материалисты 40-х годов верили, что человек, вооруженный знанием закономерностей природы, не только станет всемогущим властелином природы, но и перестроит общественные отношения на новых началах. «В человеке или для человека,— писал Петрашевский,— полнота и степень совершенства знания и самосознания есть основа и залог его действительного могущества. Без всезнания всемогущество неудобомыслимо»⁵⁴.

Герцен, Белинский, петрашевцы ставили вопрос об источнике познания и признавали этим источником опыт, даваемый человеку окружающей его действительностью, но отливающийся в логические формы, включающий обобщение чувствуемого и наблюдаемого.

⁴⁶ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 126.

⁴⁷ «Дело петрашевцев», т. II, стр. 185.

⁴⁸ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 272.

⁴⁹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 100.

⁵⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 181.

⁵¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. I, стр. 151—152, 110—111.

⁵² «Дело петрашевцев», т. I, стр. 76.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 145—146.

⁵⁴ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 257.

«Истина одна и та же,— говорил Петрашевский,— если расходятся в мнениях, так это потому, что один знает более фактов, а другой менее, и притом один знает одни факты, а другой другие, и что поэтому путем рассуждения и анализа всегда можно дойти до мнения более близкого к истине, чем отдельные мнения каждого, основанные на неполном числе фактов»⁵⁵.

Эту же мысль находим в письме Петрашевского Тимковскому, где он утверждал, что «все истины доступны уму всякого человека не идиота», что «разногласие в мнениях, разность в понятиях зависят лишь от количества фактов, на которых основывается суждение», и являются временными и преходящими. Думать иначе — «значит клеветать на природу человеческую и презирать разум»⁵⁶.

Живой обмен мыслей между людьми есть предварительное условие всякого практического действия, утверждал Баласогло, «Прежде всякого действия нам нужно искать методы для действия», а для этого необходимо «всемирное всечеловеческое средство обмена понятий живым языком — живой разговор, беседа образованных людей». Речи и словопрения, говорил он, — «и суть наши действия», «это не праздность, а самый серьезный наш труд»⁵⁷.

Белинский характеризовал «дух нашего времени» чертами активного, страстного, требовательного искания истины⁵⁸. Он учил, что понять законы развития можно «не в легком наслаждении апатического спокойствия», а развиваясь самому и доходя до результатов «в болезнях и муках рождения»⁵⁹. Философское мировоззрение Герцена было проникнуто уверенностью в осуществимости все более и более глубокого познания законов природы путем неустанного труда научной мысли.

Этот научный оптимизм выражен в статьях В. Милютина и в речи Кашкина. Кашкин отмечал героический вековой труд ученых, искавших законы в области естественных наук, и призывал не предаваться отчаянию, оттого что истина в общественных науках еще не найдена, а смело и неумолимо искать ее⁶⁰.

Петрашевский постоянно подчеркивал значение практики как основы познания. В «Словаре» он писал, что «знания в буквальном смысле нет *argiōi*, а только *aposteriori*», что «практика является предшественницей теории и обобщительницей частных фактов и явлений»⁶¹.

⁵⁵ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 368 (Показание Н. Момбелли).

⁵⁶ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 535.

⁵⁷ Архив Всесоюз. Географического об-ва, ф. 110, оп. I. Рукопись А. П. Баласогло, 1847 год.

⁵⁸ В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах (далее цитируется это издание), т. II. М., 1948, стр. 344.

⁵⁹ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. III, стр. 179.

⁶⁰ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 153.

⁶¹ Карманный словарь, стр. 301 («Ораторство»).

Таким образом, русские материалисты 40-х годов приходили к убеждению, что познание является результатом активной деятельности людей в среде себе подобных, многообразия их практического опыта (знания фактов), хотя не отдавали себе ясного отчета в предметном, материальном характере общественной практики и часто представляли практику идеалистически, как духовную деятельность. Основой знания они считали практическое изучение действительности, требуя, чтобы из этого исходили и философия, и наука, и литература. При этом под изучением действительности понималась не простая констатация определенных, исторически данных условий жизни общества, а деятельное отношение к общественным проблемам, вытекавшим из этих условий.

«Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности»⁶², — заявлял Белинский, выдвигая на первое место для русского общества вопрос борьбы с крепостничеством. Он провозглашал действительность «лозунгом и последним словом современного мира»⁶³.

Петрашевский также настойчиво требовал знания действительности. Наброски его речи 7 апреля 1849 г. и письмо Тимковскому содержат интереснейший материал для изучения его отношения к проблеме общественной практики.

Петрашевский, как и Герцен, ставил вопрос о критерии истины, т. е. о достоверности знаний, получаемых из опыта. В письме к Тимковскому он предъявлял требование, чтобы общественный деятель, социалист обладал отчетливым философским мировоззрением, которое служило бы опорой для признаваемой им общественной теории и для его практической деятельности⁶⁴. А убеждение в достоверности исповедуемой истины дается знанием действительности. «Отчаиваться сделать общепонятной истину — значит не знать действительности или, что еще хуже, не иметь убеждения в ее достоверности»⁶⁵.

Знание действительности в глазах Петрашевского было необходимой проверкой для общественной теории, практикой, поправлявшей и улучшавшей ее. Думая над вопросом об осуществимости социалистической теории, он понимал, что в нее надо внести поправки, согласовать с действительной конкретной обстановкой, исправить неверности, неизбежные во всех мнениях, «как результат не абсолютного мышления, но мышления известных данных личностей, развившихся под известными обстоятельствами»⁶⁶. «Не оттолкнем в сторону с улыбкой презрения окружающую нас действительность», — писал Петрашев-

⁶² В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. III, стр. 665.

⁶³ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. II, стр. 345.

⁶⁴ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 537.

⁶⁵ Там же, стр. 535.

⁶⁶ Там же, стр. 516—517.

ский, призывая рассмотреть ее исторически, тщательно изучить и дать живому и способному в ней к жизни достичь желанной полноты развития. «Никакое прошедшее не уничтожается, но живет в результатах,— толковое знание его может сделать всякого властелином будущего»⁶⁷.

Практической проверкой теории должно было быть, по мнению Петрашевского, умение ее сторонников преодолеть трудности и препятствия, которые будут поставлены на пути ее осуществления и открытыми врагами, и «самим бытом общественным», против которого она борется. «Знание трудностей и препятствий,— писал Петрашевский,— ожидающих какого-либо общественного деятеля на пути к достижению его цели, отнюдь не должно печалить, но скорее должно радовать его». Чем полнее будет его знание действительности, тем положительнее может быть его уверенность в успехе, тем вернее будет каждое его действие и с меньшими средствами можно будет добиться наибольших результатов⁶⁸.

Петрашевский, хотя и не мог дать полного правильного ответа на вопрос о критерии истины, но приближался к нему, отрицая созерцательное пассивное отношение к объекту познания, подходя к пониманию практики как общественного дела, как действия, руководимого определенной теорией и в свою очередь эту теорию выправляющего. Искание практического «дела», требование перехода от «слов» к делу становилось яркой чертой формирующейся революционно-демократической идеологии.

Научное познание закономерностей мира обеспечивало, по мнению петрашевцев, возможность управления этими закономерностями и внесения изменений как в природу, так и в жизнь общества. Петрашевский непримиримо разоблачал реакционный смысл отрицания познаваемости мира. Обскурантизм, писал он, утверждает как догмат «вечность, неискоренимость или, так сказать, бессмертие зла»⁶⁹, т. е. вечность, незыблемость эксплуататорских общественных отношений.

Передовые мыслители 40-х годов видели научную несостоятельность описательных и метафизических методов, господствовавших в экономических теориях того времени, и требовали, чтобы наука улавливала и объясняла основы материальной жизни общества. Герцен считал необходимым заняться «физиологией общественной жизни, историей как действительно объективной наукой», установить «законы исторического развития», подлинные и объективные, а не продиктованные «отвлеченными нормами, которые строит чистый разум»⁷⁰.

И Милютин, и вслед за ним Н. Кашкин, И. Дебу, А. Европеус выражали уверенность в возможности преобразовать общественные науки из «неточных» в положительные, построенные, подобно наукам естественным, на верных, непреложных основаниях и выводах.

Очень интересна глубокая мысль молодого Чернышевского о том, что в истории должны изучаться не только действия, происшествия, но и состояния, положения жизни, причем важнее именно последние. Угадывая значение экономического строя как основы политической истории общества, он видел задачу историка — «всегда связывать между собою эти две части и показывать, как из состояния рождались стремления и действия, как действия и события вели народ или часть его от одного состояния и положения в другое».⁷¹

Русские материалисты 40-х годов подходили к сознанию органической связи между общественными идеями и порождающими их историческими условиями. Они видели в этих идеях попытки ответить на вопросы, сгавившиеся исторической действительностью.

В своей критике буржуазных теорий общественного развития В. Милютин пытался показать непосредственную связь между содержанием экономических теорий и условиями существования породившего их общества. «Содержание каждой науки,— писал Милютин,— не дается а priori, а вырабатывается самой жизнью. Поэтому, чего не было в действительности, того конечно не могло быть в науке»⁷². Он проследивал возникновение экономических теорий в различных общественных условиях, правильно подмечая связь существующего в обществе отношения к труду с господствующими в нем производственными отношениями. Самую же потребность научного анализа экономических явлений он объяснял «уверенностью в законности наших стремлений к материальному благоденствию и сознанием высокого назначения промышленности, как источника богатства, благосостояния и образованности человека»⁷³.

В. Милютин разоблачал буржуазных экономистов как защитников существующего классового угнетения, усвоивших «безобразную гипотезу абсолютной справедливости и полного совершенства всех существующих экономических учреждений», проявляющих «упорный оптимизм» и «недобросовестное отрицание самых очевидных фактов», оправдывающих «самую вопиющую и возмутительную несправедливость»⁷⁴.

Мысль о материальных корнях общественных теорий высказывал Ахшарумов, который в наброске речи 7 апреля 1849 г.

⁶⁷ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 521.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 259—260.

⁷⁰ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. 6, М., 1955, стр. 67.

⁷¹ Н. Г. Чернышевский Полн. собр. соч., т. 1, стр. 232.

⁷² В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 279—280.

⁷³ Там же, стр. 278.

⁷⁴ Там же, стр. 316.

писал: «Люди всегда стремились к переменам, потому что им жить было худо»; поэтому «с самых давних времен началась наука общественная», вызванная тем, что человеческие «страсти» просились к исполнению, но не получали удовлетворения⁷⁵.

В «Объяснении, что такое социализм», Петрашевский подчеркивал, что «явления политические, наука, промышленность и жизнь общественная вырабатывали то ту, то другую идеи, вносили то тот, то другой элемент в сокровищницу нравственного достоинства человечества». Говоря о содержании утопий, он указывал, что «между этими всеми утопиями или теориями и их появлением (т. е. порождением.— В. Л.— С.) современной действительностью находится органическая связь». В республике Платона необходимое условие быта общественного — рабство, в Базилиаде Морелли — обязательность труда, которую Петрашевский считал прогнαιοестественной, но «простительной» для первых теорий социализма⁷⁶.

Петрашевцы не могли материалистически объяснить происхождение идей и теорий на основе определенных общественных отношений и борьбы классовых интересов, но они сделали шаг в этом направлении, пытаясь показать исторический характер общественных теорий, отражение в них общественно-экономического быта. Они подходили к положению, развитию впоследствии Чернышевским в «Антропологическом принципе в философии», о том, что философские учения отражают материальные интересы людей.

К современным им теориям утопического социализма они также подходили как к явлению, вызванному действительной жизнью, как к наиболее передовой теории, порожденной социальными противоречиями современного общества и направленной на уничтожение этих противоречий. Петрашевский считал социализм «конечным результатом современного философического мышления», естественным выводом «из простого наблюдения действительности» с ее анархическими противоречиями. Социализм, писал Петрашевский, «есть не что иное, как реакция духа человеческого противу анархического, разрушительного для быта общественного влияния начал либерализма», выражающегося в «противуестественных явлениях в жизни общественной»⁷⁷.

«Трудящийся не находил обеспечения своих первых потребностей в труде своем и с жадностью бросился на те системы, которые представляли ему лучшую организацию общества (по его понятию), — писал в своем показании Головинский. — Социализм — это протест голода»⁷⁸.

Милютин требовал «признать материальное благосостояние человека настоящим и единственным предметом политической экономии». Задачей этой науки, по его мнению, было не только описывать то, что есть — т. е. открывать законы экономического мира, по которым совершается материальное развитие общества, но и «предписывать правила для деятельности человека в промышленной сфере», открывать средства для облегчения страданий человека, для уничтожения нищеты и для развития материального благосостояния⁷⁹. Таким образом Милютин ставил задачу соединения политической экономии с социализмом.

* * *

Социалистическое общество петрашевцы представляли себе как «нормальное развитое» общество, удовлетворяющее требованиям «нормального» человеческого существования. «Нормальное состояние человека находится не только в связи, но и в полной зависимости от нормальности развития самого общества», — писал Петрашевский в Карманном словаре. Поскольку человек зависит от общества прежде всего в материальных условиях своей жизни, социалистическое общество должно доставлять каждому из своих членов «средства для удовлетворения их нужд пропорционально потребностям». Такое общество будет свободно от антагонизма между личностью и коллективом и сможет обеспечить гармоническое развитие личности. В нем всякий человек «будет деятелем, не только полезным самому себе, но и целому обществу, без самозаклания личности»⁸⁰.

Русские передовые люди 40-х годов, во главе с Белинским и Герценом, были убеждены в том, что человечество развивается прогрессивно, согласно основному закону своей истории, и что несовершенное и антагонистическое общественное устройство является переходящим и должно смениться другим порядком, в котором восторжествуют братские междучеловеческие отношения. «Совершенствование идет к золотому веку, — писал Герцен, — протестует против признания определенного за безусловное, видит в истине былого и сущего — истину относительную, не имеющую права на вечное существование и свидетельствующую о своей ограниченности — именно своей переходимостью»⁸¹. Белинский думал, «что современное состояние человечества есть необходимый результат разумного развития, и что от его настоящего можно делать посылки к его будущему, что свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу и — будет новая земля и новое

⁷⁵ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 111.

⁷⁶ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 90, 518, 519.

⁷⁷ Там же, т. I, стр. 92.

⁷⁸ «Дело петрашевцев» т. III, стр. 224

⁷⁹ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 276, 277.

⁸⁰ Карманный словарь, стр. 250—251.

⁸¹ А. И. Герцен. Избранные философские произведения, т. I, 1943, стр. 204.

небо»⁸². В слова о будущем человечества автором несомненно вкладывался социалистический смысл, и читатели его хорошо понимали. Вера в прогресс, по мнению Миллютина, объединяла передовые философские и политические партии, которые уже не допускают «ни исторического фатализма, ни исторического скептицизма» и представляют историю «не игрой слепого случая, не царством неизбежного рока, а постоянным откровением всеобщего разума», направляющего человека и общество «к осуществлению этого высокого идеала, в котором заключается назначение и цель человечества»⁸³.

Петрашевский утверждал, что непрерывное преобразование внешних форм есть необходимое явление «жизни всего в природе», что «преобразование общественного быта соответственно требованиям природы человека безусловно нужно» и действительно постепенно происходит. Он отвергал представление Руссо, «будто бы тип, идеал, первообраз человеческого благоустройства и человеческого счастья должно искать в мире прошедшего, а не в будущем», не в разумном сознании человеком⁸⁴.

Эту мысль еще раньше развил Герцен в «Письмах об изучении природы»: «Человек не отошел, как думали мыслители XVIII в., от своего естественного состояния, — он идет к нему; дикое состояние — для него самое неестественное»⁸⁵.

Идея о золотом веке впереди нас, провозглашенная Сен-Симоном, любимая идея утопического социализма, вдохновляла также и социалистов-петрашевцев. О путеводном значении этой идеи для поколения 40-х годов много раз говорил Салтыков. «Не преданием о прошедшем, но сказаньем о грядущем должно считать в этом смысле золотой век, — писал Петрашевский в Карманном словаре. — Осуществление его практическое или содеяние общества живым орудием полного благоденствия и счастья всякого человека принадлежит будущему и составляет еще не окончательно разрешенную общественную задачу»⁸⁶. Верой в социалистический характер грядущего общественного устройства проникнуты показания Петрашевского⁸⁷.

Доказывая поступательный характер общественного развития, Петрашевский осмеивал «близорукий взор» тех, кому «вся жизнь природы кажется вмещенной в тесный круг возвратных и непрерывно повторяющихся явлений»⁸⁸. Его упрек относился, между прочим, к В. Майкову, которому была чужда идея

диалектического развития и который видел в развитии лишь простой рост.

Майков отрицал поступательное развитие и видел в смене форм «одно бесконечное вращательное изменение жизни, между тем как ни начала возрождения, ни начала разрушения, как сил действительных, не воображаемых, нет в человечестве»⁸⁹. Петрашевский же утверждал, что развитие жизни в природе постоянно вносит в мир действительных явлений «новые, сравнительно лучшие и совершеннейшие формы для своего обнаружения», что «беспрерывность нововведений, новизны, нововводительства» есть «внешнее выражение жизненного принципа в природе» и что «жизнь сама в себе есть не что иное как ежесекундная неология».

Петрашевцы разделяли теорию, выработанную великими французскими утопистами, утверждавшую, что историческое развитие общества идет в форме закономерной смены различных эпох или ступеней, каждая из которых проходит свои периоды роста и упадка. Эта теория была гениальной догадкой, которой творцы критически-утопического социализма пытались осветить явление исторической смены общественно-экономических формаций. Не умея материалистически объяснить эту смену изменениями способа производства, объясняя ее движением идей, они тем не менее сделали очень важное наблюдение, подметив чередование органических и критических периодов. Понятие органического периода включало представление о прогрессивном развитии материальных сил в условиях, когда общественные отношения способствуют этому развитию. Петрашевский, излагая учение Сен-Симона о смене органических и критических периодов, раскрывал общественно-экономическое содержание понятия «эпохи органического развития сил человечества» выразительными примерами. Началом первой органической эпохи, указывал он, явилось обращение военнопленных в рабов, вместо уничтожения их. Начало эксплуатации человека человеком рассматривалось им диалектически, как явление прогрессивное по отношению к прошлому, ускорившее «общий ход развития человечества, дав ему возможность, через увеличение средств к удовлетворению требований его природы, установить гражданственность и общественность».

Понятие критического периода выражало такое состояние общества, когда господствующие в нем общественные отношения изживали себя, противоречили новым потребностям, и общественное развитие требовало новых форм этих отношений.

Органическим эпохам, писал Петрашевский, противостоят критические эпохи. Они, «как в науке, так и в жизни суть эпохи антагонизма, противоречия, противоборства новых требова-

⁸² В. Г. Белинский. Собр. соч., т. II, стр. 230.

⁸³ В. А. Миллютин. Указ. соч., стр. 69—70, 74.

⁸⁴ Карманный словарь, стр. 219 («Натуральное состояние»).

⁸⁵ А. И. Герцен. Избранные философские произведения, т. I, стр. 272.

⁸⁶ Карманный словарь, стр. 219.

⁸⁷ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 302.

⁸⁸ Карманный словарь, стр. 275 («Неология»).

⁸⁹ В. Н. Майков. Соч. в двух томах, т. I. Киев, 1900, стр. 285.

ний и способов их удовлетворения со старыми, эпохи переходного состояния». В эти эпохи господствует скептицизм, сомнение, равнодушие к идеалистическим философским проблемам. Петрашевский особо подчеркивает, что в критические эпохи разрушается авторитет власти, утрачивается сознание «законности основания власти тех, кому она принадлежит de facto», отрицается справедливость привычных форм общественных отношений⁹⁰.

Уверенность в прогрессивности процесса изменения общественных отношений, представление о переходящем характере современного общественно-экономического порядка и о необходимости следующего за настоящим более высоким общественном строе являлись важнейшим элементом социалистического мировоззрения русских социалистов 40-х годов. Они приближались к пониманию неизбежности грядущего уничтожения капитализма, как и предшествовавших ему исторических формаций, «силой исторической необходимости». Герцен утверждал, что для буржуазии нет будущности, что «она теперь уже чувствует в своей груди начало и тоску смертельной болезни, которая непременно сведет ее в могилу»⁹¹.

Милютин рассматривал процесс смены общественных отношений с точки зрения изменения «материального благоденствия рабочих классов», которое является «необходимым условием всякого другого усовершенствования, умственного и нравственного». «Свобода промышленности и труда» (т. е. капиталистические отношения) предоставила «производительным классам» полную свободу деятельности и, уничтожив феодальный гнет, «породила в то же время неравную борьбу между производительными силами и, оставив слабых в жертву сильнейшим, положила зародыш новой аристократии (Милютин называет ее новой феодальной.— В. Л.— С.), основанной на неограниченном владычестве капитала над трудом». «Еще один шаг,— предсказывал Милютин,— и цель будет достигнута. Неограниченная свобода промышленности, или — что то же, безусловное господство анархии и произвола, падет рано или поздно, точно так же, как пали и все другие неразумные, несправедливые учреждения, произведенные силою исторической необходимости и ею же уничтоженные»⁹².

Социалисты 40-х годов не могли материалистически связать общественный прогресс с борьбой угнетенных общественных классов за свое освобождение от эксплуатации, а падение капитализма с борьбой пролетариата. Они оставались на почве исторического идеализма, утверждая, что победа нового порядка будет обеспечена внутренней разумностью развития. Тем

не менее они хорошо понимали необходимость материальной экономической основы для осуществления социалистического преобразования общества.

Передовые люди, жившие в период резкого кризиса феодально-крепостнической формации и начала промышленного переворота в России, бывшие современниками быстрого капиталистического развития ряда западноевропейских стран, не могли не видеть, что общество развивается в прямой связи с процессами производства материальных благ, что основной предпосылкой успешной борьбы за материальное благосостояние масс и за изменение общественных отношений является наибольшее развитие производительных сил. «Должна быть дана промышленности полная свобода»,— писал Петрашевский в начале 40-х годов, но к этому лозунгу буржуазной экономики прибавлял социалистическое обоснование — «чтобы цель и назначение человечества были достигнуты и люди сознавали, что они люди»⁹³.

В отсталой России, где крепостнические отношения тяжелой преградой стояли на пути подъема техники, передовые люди с радостью приветствовали промышленное развитие, двигавшее страну вперед.

Петрашевцы высоко ценили созидательную силу материальных достижений науки и техники. «Теперь разрушение перестало быть геройством,— говорилось в «Карманном словаре»,— и описание станка Аркрайта, или паровой машины Фультона, или какого-нибудь другого нового усовершенствования практически скорее возбудит удивление в сердце читателя, нежели описание знаменитой победы Наполеона». В статье «Неология» Петрашевский повторял: «Не стратегии и тактике Наполеона, а силе сжатого пара суждено преобразовать землю и возвысить человечество»⁹⁴.

В. Милютин отмечал индустриальное направление современной общественной деятельности, первенство материальных промышленных интересов в ряду общественных интересов. Успехи промышленности не унижают человека перед материей, возражал он «консерваторам»,— «труд не только не унижает человека пред внешней природой, но, напротив, показывает, что человек освобождается от ее влияния и подчиняет ее своим разумным целям». «Улучшение внешнего быта — необходимое условие и для нравственного развития человечества»⁹⁵.

Белинский восхвалял могущество человеческого разума, который, сообразуясь с действующими силами природы и действуя через них же, изменяет климаты, осушает болота и тундры, утучняет песчаные степи и на те и другие призывает богатство и роскошь природы, велит течь воде там, где ее не было, и

⁹⁰ Карманый словарь, стр. 312—314 («Органическая эпоха»).

⁹¹ А. И. Герцен Собр. соч., т. 5 М., 1955, стр. 239.

⁹² В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 73—74.

⁹³ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 546

⁹⁴ Карманый словарь, стр. 257 («Новатор»), 234.

⁹⁵ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 158—160.

каналами соединяет разъединенные природою моря, озера и реки. Он победил и время и пространство, он царь природы»⁹⁶.

Огромная преобразующая и созидательная сила общественного труда вдохновляла передовых людей 40-х годов. Их воображению представлялись величественные картины будущего, когда человек овладеет могучими силами природы. Рисуя идеал «нормального», т. е. социалистического общества, Петрашевский указывал на грядущее полное господство человеческого коллектива над природой. «Человек чрез сознание мировых законов должен вполне соделаться властелином и устройтелем всей видимой природы, в которой нет ничего ему неподчинимого».

Он подчеркивал мощь именно общественного труда человека. Человеку, «взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить, но все возможно совершить в обществе и обществом»⁹⁷.

Чрезвычайное развитие индустрии, характеризующее XIX век, «вот практика, вот золотая будущность, золотой век», говорил Ханыков в своей речи, выражая горячую веру в возможность материального преобразования всей природы, всей «планеты». «Из взаимного проникновения разума и индустрии и выйдет то новое вождеденное начало, на котором построится будущая жизнь человечества»⁹⁸.

Русские социалисты 40-х годов смотрели вперед, утверждая необходимость создания базы крупной промышленности для социалистического преобразования общества.

«Для рабочих классов,— писал Милютин,— не могут быть вредными ни развитие промышленности, ни все те явления, которые составляют необходимое условие для ее успехов». Современная наука понимает, «что для уничтожения бедности постоянное деятельное и безостановочное развитие промышленности столь же необходимо, сколько необходимо преобразование в устройстве хозяйственных отношений»⁹⁹.

Петрашевский признавал существующее общество «преддверием лучших форм быта общественного, той фабрикой, в которой предназначено покуда вырабатывать материалы и способы для будущего благосостояния всего человечества». Он критиковал утопических коммунистов за одностороннее отношение к собственности: они видят способ избавления от нищеты в замене частной собственности — общей, но упускают из виду, что «бедность не от того происходит, собственно, что есть богатые, а от того, что в человечестве еще до сих (пор) производится

менее ценностей, нежели сколько того общественные потребности требуют»; они забывают «необходимость скопления больших капиталов для изобретений и движения промышленности»¹⁰⁰.

И. Дебу в письмах из Севастополя подчеркивал, «как разумно и практично поступили те, которых чествуют именем утопистов, поставив во главе всего вопрос об умножении богатства»¹⁰¹.

Для демократов 40-х годов индустриальное развитие было положительным явлением не только потому, что оно умножало сумму материальных потребительских благ для человека, но и потому, что машинная техника облегчала тяжелый труд рабочего. Герцен приветствовал успехи физических наук, которые «подают средства отрешить руки человеческие от непрерывной тяжкой работы»¹⁰². Милютин видел в современном развитии техники залог будущего, «когда сама природа будет исполнять все тягостные работы, которые для человека изнурительны и вредны»¹⁰³.

Русские материалисты 40-х годов подходили к пониманию значения роста производительных сил в развитии общества, хотя и объясняли рост материальных потребностей людей, исходя из концепции «природы человека» — стремлением к новизне, видя в этом «жизненный принцип природы человеческой».

Однако в капиталистической действительности наиболее развитые страны с крупной промышленностью и передовой техникой были ареной наиболее острых и жестоких социальных противоречий. Известно отношение русских революционных демократов к западноевропейской буржуазии, уже закончившей прогрессивную миссию ликвидации феодализма, стоявшей уже у власти и яростно защищавшей свое господство от притязаний рабочего класса.

По мнению утопических социалистов, крупное производство могло стать материальной основой социалистического общества, лишь освободившись от эксплуататорских отношений, развиваясь не на началах анархии, а в интересах всего общества. Социализм требует устранения «противуестественных явлений» из жизни общественной, утверждал Петрашевский. Все социалисты сходятся в одном, — что «следует сделать общественные отношения более правильными»¹⁰⁴. Но пути к такой коренной переделке производственных отношений утопические социалисты не знали. Этот путь — пролетарской революции и обобществле-

⁹⁶ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. II, стр. 351—352.

⁹⁷ Карманный словарь, стр. 315 («Органический»), стр. 300 («Ораторство»).

⁹⁸ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 17—18.

⁹⁹ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 185.

¹⁰⁰ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 93, 533.

¹⁰¹ Отдел древних рукописей Института истории АН СССР. Собрание «Письма И. М. Дебу», письмо от 25 ноября 1854 г.

¹⁰² А. И. Герцен. Избранные философские произведения, т. I, стр. 94.

¹⁰³ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 210.

¹⁰⁴ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 92, 93.

ния средств производства посредством экспроприации экспроприаторов — был найден только научным социализмом.

Не понимая сущности капиталистической эксплуатации, впервые раскрытой Марксом, Петрашевский характеризовал капиталистические общественные отношения как «поглотительную способность капитала», по выражению Прудона, состоящую в том, что личность и права человека «приносятся в жертву овеществленному труду предшествовавших поколений человечества, часто незаконно и несправедливо усвоенному». Задачу социалистического преобразования общества он видел в такой организации общественного производства и распределения материальных благ, при которой устранялось бы «оказание особенного предпочтения капиталу или его представителям, в ущерб прочим производительным элементам — таланту и производительному труду человека»¹⁰⁵.

* * *

Учение Фурье привлекало петрашевцев тем, что оно показывало в подробно разработанном виде новые преобразованные производственные отношения, в которых отсутствовали эксплуатация человека человеком и которые представлялись реальными и осуществимыми, так как Фурье выводил их из преобразования самого производства. Маркс считал великой заслугой Фурье то, что он «объявил решающей задачей поднятие на высшую степень самого способа производства, а не только распределения». Уже в 40-х годах Маркс и Энгельс оценили эту черту: Фурье «всегда исходит только из преобразования производства»¹⁰⁶.

Утопический социализм указывал на возможность обратить могучие силы производства, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, на служение благосостоянию всех в качестве общественной собственности.

Правда, Фурье был непоследователен, оставляя в своей системе организации труда право частной собственности на вкладываемые в фаланстер средства производства. Это право, обеспечивавшее особую долю в потреблении, должно было служить приманкой для капиталистов, которых Фурье приглашал вложить средства в проектируемый им коллектив. Но самое производство материальных благ в фаланстере строилось на основе обобществленных средств производства и при общественном управлении процессами производства и распределения.

«В социальной теории Фурье имеется, несомненно, ряд положений, сближающих ее с социализмом,— замечает В. П. Волгин.— Это — идея коллективной организации производства и

потребления, идея свободного труда-наслаждения, принципиальное отрицание наемного труда, гарантия минимума средств существования, устранение противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом и т. п.»¹⁰⁷.

Теория Фурье представлялась петрашевцам несомненно опирающейся на материальную действительность. Они не держались за ее букву, проходили мимо фантастических грез Фурье, не обращали внимания на религиозную оболочку его теории, но ценили в ней то, что им казалось осуществимым и приложимым к жизни.

Экономическая проблема разрешалась учением Фурье в форме устройства хозяйственной общины, ассоциации, в которой при отсутствии эксплуатации, при использовании средств науки, при охоте людей к труду неизмеримо подымалась производительность труда работников, а масса коллективно производимых богатств колоссально вырастала. При этом «экономическое потребление», достигаемое соединением отдельных хозяйств в ассоциацию, должно было обеспечивать не только общее довольство, но даже роскошь.

Коллективный труд должен был обогащать не только собственников, но и тех, кто отдавал обществу свою «работу» и свой «талант», под которым понималось «разумное усилие», умение, искусство, практическая ловкость, научные знания и организаторские способности.

Признание огромной роли и полноправности производительных участников общественного труда и было элементом новых, конструируемых в социалистической теории производственных отношений, в противоположность существующим, капиталистическим, а в России крепостническим отношениям, построенным на эксплуатации и «работы», и «таланта» собственниками средств производства. Коллективный труд в ассоциации должен был создавать новые равноправные трудовые отношения между владельцами капитала и неимущими, принесшими в общину свои способности и свой физический труд.

В учении Фурье производственные отношения конструировались в полном согласии с философской концепцией «природы человека», на основе свойств и потребностей человека, получивших возможность свободного проявления и удовлетворения при новых формах организации труда. Но самые эти формы были искусственными, вымышленными. Как отмечает В. П. Волгин, социальный кодекс Фурье вовсе не является системой закономерностей реальной жизни человеческого общества. Это — новая разновидность теории «естественного права», облеченная

¹⁰⁵ Карманный словарь, стр. 317 («Организация производства»).

¹⁰⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 517.

¹⁰⁷ В. П. Волгин. Система Фурье В кн.: Шарль Фурье. Избр. сочинения, т. I. М.—Л., 1951, стр. 76.

в своеобразную форму. Это совокупность норм, обеспечивающих социальную гармонию, рационалистически выводимых из свойств человеческой природы, принимаемых за основные¹⁰⁸.

Основой новых трудовых отношений между людьми должна была, по мысли Фурье, являться сериарная организация работ в крупном хозяйстве, при которой вся материальная деятельность людей могла распределяться по свободно избираемым отраслям и специальностям — «сериям», чем устранялись утомительность и тяжесть труда, и труд делался наслаждением для людей.

Фурье принадлежала разработка учения о «страстях» — потребностях человека, под которыми понимались психо-физические инстинкты и чувства, общественные стремления, соответствующие психическим связям между людьми, а также отношения людей к труду. Страсти признавались движущей силой человеческой деятельности, включая и материальную производственную деятельность. Учение Фурье уделяло большое внимание отношению людей к труду в процессе коллективного общественного производства. По мнению Чернышевского, эта «психологическая теория» и служила корнем всего учения¹⁰⁹. В числе других «страстей» Фурье наблюдательно обрисовал ряд стремлений, присущих общественно-трудовой деятельности людей. В основе причудливой страсти composite или exaltante — стремления к сложности впечатлений, удовлетворению одновременно нескольких потребностей, можно разглядеть естественное стремление работника, чтобы добросовестный труд хорошо вознаграждался и создавал ему тешащую его вкусы материальную обстановку. В основе страсти cabaliste или rivalisante — любви к контрастам, к интриге, к игре и соперничеству — лежит присущее свободному труду стремление к соревнованию с другими участниками коллективной работы. Энгельс отмечал, что соревнование, основанное «на человеческой природе», пока рносно разъяснено «одним лишь Фурье»¹¹⁰. В основе страсти rapillone или engrenante — любви к разнообразию и перемене занятий — лежит стремление к свободному выбору профессии. Эти «страсти», сопровождающие человеческий труд, своеобразно отражали протест против условий тяжелого, утомительного, принудительно однообразного и низко оплачиваемого труда работника в капиталистическом обществе, превращающего человека в уroda, в автоматическое орудие.

В этих наблюдениях — гениальные догадки Фурье, освещавшие отношение людей к труду в будущем социалистическом обществе, где человек сможет всесторонне развить свои способ-

ности путем разносторонней практической деятельности, и где труд вернет себе утраченную привлекательность.

Полное удовлетворение всех страстей человека, по мысли Фурье, делает для человека труд привлекательным, рождает трудовую доблесть, повышает чувство трудовой части, высокое чувство общественного долга. Это благородство общественно-полезного труда демократы 40-х годов очень хорошо понимали и ценили.

Система Фурье представлялась петрашевцам как всеобъемлющая «философия общественного быта — почти то же, что энциклопедия законоведения или естественное право — только потолковее обоих»¹¹¹. «Коренной вопрос общественного быта» — вопрос об организации труда, отчетливее всего разработан фурьеристами, утверждал Петрашевский. Человек — эта «живая единица быта общественного», взят у них не в отвлечении, в идее, а «так, как он есть, и быт общественный к нему приоровлен, а не он насильственно подведен под известные формы быта общественного»¹¹².

Петрашевцы не считали трудовые навыки человека врожденными и вечными свойствами его природы, а признавали их развивающимися в процессе развития общественного труда. Утверждая, что человеку все возможно совершить лишь в обществе и обществом, Петрашевский замечал, «что труд уединенный и однообразный, не определенный природным влечением, будет всегда тяжелой казнью, и великая нравственная сила нужна, дабы не пасть под ее гнетом»¹¹³. Милютин указывал, что «в диком состоянии человек в обязанности трудиться видит несносное и тягостное иго, от которого он старается всеми мерами уклониться и избавиться»; но в «обществе и по мере развития общественной жизни труд представляется человеку как самая настоятельная необходимость, как самая первая его обязанность, самое очевидное доказательство величия его природы и благородства его назначения»¹¹⁴. Это новое отношение к труду было выражено и Ахшарумовым. «Человек создан с руками и с ногами — работником и должен создать себе трудом счастье», — писал он в своем дневнике¹¹⁵.

Петрашевцам нравилось в системе Фурье живое внимание к многообразным потребностям человека, материалистический подход к жизни. И. Дебу считал одной из положительных черт теории Фурье то, что она, «признавая и согласуя все существующие интересы между людьми, невольно заставляет светло и весело смотреть на жизнь и не пренебрегать ее мелочными инте-

¹⁰⁸ Там же, стр. 10.

¹⁰⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1949, стр. 289.

¹¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 562.

¹¹¹ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 73.

¹¹² «Дело петрашевцев», т. I, стр. 533.

¹¹³ Карманный словарь, стр. 300 («Ораторство»).

¹¹⁴ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 115.

¹¹⁵ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 90.

ресами»¹¹⁶. Привлекательность свободного труда в хорошо организованном коллективе, обеспечивающем все потребности людей, живо изображена Н. Данилевским в его показаниях о системе Фурье. На собраниях у Кашкина, отмечал Ахшарумов, говорили о взгляде Фурье на способности человека, «о том, каким образом заохотить каждого к труду, к которому он способен, и сделать труд вместо тягости приятным удовольствием»¹¹⁷. Сериарный метод Фурье казался И. Дебу «методом из естественных наук», введенным Фурье в изучение политической экономии, т. е. методом, основанным на реальных данных, а не только на «умозаключениях», как у других политико-экономов¹¹⁸.

Петрашевский считал организацию труда по Фурье «ключом», «пробным камнем» «полной и совершенной реформы быта общественного». Он заявил следственной комиссии: «Все же, относящееся до организации фаланстера, вполне признаю справедливым и удобоосуществимым на практике»¹¹⁹. На собраниях петрашевцев было говорено, показывал Дуров, что «фаланстеры могут быть устроены в России»¹²⁰.

Следует обратить внимание на то, что система Фурье легко снискивала популярность и в среде русской либеральной интеллигенции. Это объясняется тем, что она содержала ряд мелкобуржуазных черт, провозглашая примирение классовых противоречий, мирное сотрудничество капитала с трудом. В фалангах Фурье узаконялось привилегированное положение богатых членов общины, вносящих в нее свой «капитал». Энгельс в 40-х годах определил внутреннее противоречие фурьеризма — сохранение частной собственности, что делало эту систему — «старой системой конкуренции на улучшенных началах, бастилей для бедных на более либеральных основах»¹²¹. Эти черты, наряду с сулимыми теорией огромными выгодами потребительской ассоциации, а также открыто провозглашаемые западно-европейскими фурьеристами аполитизм и политическая лояльность привлекали к теории Фурье таких сторонников, как Н. Я. Данилевский, А. П. Беклемишев, К. И. Тимковский и др. Тимковский даже считал возможным добиться правительственной помощи для устройства в России экспериментального фаланстера¹²².

Но петрашевцев — демократов, социалистов учение Фурье привлекало, конечно, не своими чертами консерватизма, анти-

революционности и лояльности к власти, хотя они в своих показаниях не упускали возможности подчеркнуть эти черты, чтобы снять с себя политическое обвинение¹²³.

* * *

Убежденные во внутренней силе и устойчивости принципов организации труда в общине-фаланстере, некоторые петрашевцы обратили внимание на русскую сельскую общину. В их взглядах мы найдем в зачаточном виде идею, будто русская крестьянская община несет в себе зародыш социалистического развития. Эта идея была разработана Гершенем в конце 40-х — начале 50-х годов, после крушения его надежд на «социальный переворот» в Западной Европе, и составила характерную черту русского крестьянского социализма. В. И. Ленин указывал, что «зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х, и даже еще раньше»¹²⁴.

Обостренное внимание к общине, как к средству разрешения социальных противоречий, характеризовало в 40-х годах взгляды некоторых бывших участников движения декабристов, которые настойчиво хотели уберечь страну при грядущем уничтожении крепостничества «от бедственного пролетариата, этой язвы, снедающей все государства западные»¹²⁵. По свидетельству К. Д. Кавелина, Белинский говорил, «что Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа»¹²⁶.

По словам И. Дебу, у «фурьеристов» было обращено внимание на русскую общину, с которой познакомил их Гакстгаузен¹²⁷. Петрашевский делал выписки из книги Гакстгаузена, вышедшей в 1847 г. А. П. Милюков вспоминал толки об общине в кружке Дурова¹²⁸. Отголоски этих толков находим в показаниях Н. П. Григорьева. «Что такое артель, — писал он, — как не слышимое изобретение русского простого ума, давно поставившего социализм на должное ему место? Что такое наша благотворительная общественная запашка — все тот же социализм»¹²⁹. Головинский в своих показаниях объяснял смысл общинной собственности: «деревенская, т. е. крестьянская земля

¹²³ См. показания Ханыкова, И. Дебу, Кашкина, Европеуса. «Дело петрашевцев», т. III, стр. 25, 64, 72, 171, 176—177.

¹²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 530.

¹²⁵ См. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и в первой половине XIX в., т. II. СПб., 1888, стр. 362, 365.

¹²⁶ К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. 3. СПб., 1904, стр. 1091.

¹²⁷ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, стр. 92.

¹²⁸ А. П. Милюков. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890, стр. 181.

¹²⁹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 250. Благотворительная запашка — участок, обрабатываемый в пользу нетрудоспособного населения деревни.

¹¹⁶ Там же, стр. 59.

¹¹⁷ Там же, стр. 118.

¹¹⁸ Там же, стр. 64.

¹¹⁹ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 30, 114.

¹²⁰ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 200.

¹²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 529.

¹²² «Дело петрашевцев», т. II. М.—Л., 1941, стр. 412.

принадлежит не какому-либо отдельному лицу, а целому миру — общине, которая распределяет ее между мирянами»¹³⁰.

Петрашевский доказывал следственной комиссии, что именно экономическая организация общины, в учредениях которой он видел «дух социализма», спасает крепостных крестьян от полного обнищания. «Взгляните на ваши деревни,— писал он,— на вашего мужика, при всей нерадивости не дошедшего до той нищеты, которая бы его лени соответствовала — ищите причину — вы найдете, что передел полей, общее пользование землей — и есть тому причина»¹³¹.

Но в общине петрашевцы видели и основу демократического общественного устройства — эта сторона вопроса также сблизжала их с будущими народниками. Ханыков видел в сельской общине историческую основу народной жизни. Он разделял концепцию о том, что общинное демократическое устройство удельных времен, времен «народной вольницы», было подавлено в дальнейшем ходе истории развитием «деспотизма», и придавал сохранившимся остаткам общины большое значение. Он считал нужным «пополнить пробел» в системе Фурье, который «увлекшись, сосредоточившись в новооткрытом мире, позабыл, пренебрег историческими преданиями»¹³², т. е. не учел сохранившихся конкретных особенностей общественного быта, могущих облегчить социалистическое преобразование. В общинном устройстве государственных и удельных крестьян Ханыков видел один из «элементов возмущения»¹³³, считая, что в этой среде сохранилось более живое стремление к свободе. В речи, найденной у Спешнева, Дубельт отметил обращение к собравшимся: «Господа! Наш парламент, наша мирская сходка!»¹³⁴.

Утопические взгляды на элементы сельской общины, как элементы социалистические, отражали искания демократической мысли, пытавшейся найти опору своим преобразовательным стремлениям в действительных условиях народной жизни. Важно отметить, что в этих взглядах демократов 40-х годов, как и во взглядах позднейших шестидесятников и революционных народников, не было ничего славянофильского. Идеализируя русскую общину в реакционном патриархальном духе, славянофилы рассматривали ее как учреждение, предохраняющее Россию от социализма, доказывающее тщету и неприменимость социалистических теорий в русских условиях. В этом отношении славянофильская теория общины полностью обслуживала официальную идеологию, настаивавшую на коренном отличии России от Европы.

¹³⁰ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 225.

¹³¹ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 95.

¹³² Там же, стр. 18—19, 21.

¹³³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 196.

¹³⁴ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., 1849 г., д. 214, ч. 3, л. 143.

Трезвая критическая оценка крепостной общины, опровергавшая славянофильскую идеализацию, была дана в 40-х годах Н. П. Огаревым, который вплотную столкнулся с ее «упорным неразумием», косностью, застойностью ее традиционных порядков. «Наша община есть равенство рабства», — писал он, отмечая в ней «равенство подати при неравенстве сил, равенство земель при неравенстве трудов и капиталов»¹³⁵.

Но влияние славянофильской идеологии, изображавшей общину как основу патриархальной солидарности между помещиком и крестьянином, обнаруживается в либеральных проектах крепостных фаланстеров, по существу являвшихся проектами утонченной эксплуатации крестьян. Таков был, например, проект А. Н. Беклемишева, выдвигавший на первый план выгоды потребительской ассоциации крестьянских хозяйств и блага классового мира, которые будто бы явятся результатом «общения» помещиков и крестьян. Рукопись Беклемишева «О выгодах общения сравнительно с дроблением по разным отраслям труда», относящаяся к 1848 г., является любопытным образчиком помещицкой рукописной литературы, посвященной задачам подъема производительности крепостного труда. Беклемишев выступал сторонником хозяйственной ассоциации крепостных крестьян и помещиков, доказывая, что в «обществе» десять рук заменят сто рук и будут работать лучше, чем ныне эти сто рук. Решающее значение Беклемишев придавал тому, что крестьяне, возведенные «на степень в каком-либо масштабе» совладельцев земли (т. е. при сохранении основной собственности за помещиками), станут из врагов общественного спокойствия его охранителями. «Сообщите помещиков и крестьян,— предлагал он,— тогда помещики не будут более, как ныне, дрожать ежеминутно за жизнь свою, они будут спокойно ложиться спать»¹³⁶.

Реакционную идею о крепостном фаланстере высмеивал Герцен, именуя крепостников, выведенных в романе «Кто виноват?» «главой общины», «почтенной главой этого патриархального фаланстера».

В. И. Семевский внес в литературу глубоко ошибочное предположение, будто бы Петрашевский был сторонником крепостного фаланстера. Не говоря о не критическом отношении к источнику этих сведений — рассказу В. Р. Зотова, вызывавшему сильное сомнение у самого Семевского, он неправильно истолковал одно из показаний Петрашевского. Петрашевский, доказывая следственной комиссии полную законность попыток осуществления идей фурьеризма, как определенной хозяйственной системы, утверждал, что в России каждый помещик, владелец двух

¹³⁵ Н. П. Огарев. План устройства политехнической народной школы. «Литературное наследство», т. 39—40, 1941, стр. 293.

¹³⁶ «Дело петрашевцев», т. II, стр. 346.

тысяч душ (число членов фаланстера), каждый купец или «компания на акциях» вправе завести фаланстер, не спрашивая никакого разрешения у правительства¹³⁷. То, что можно законно совершить, о том можно законно и рассуждать, доказывал Петрашевский.

Но написав это, Петрашевский почувствовал чудовищной и странной свою «защиту прав человеческих, права целого общества развиваться и усвершаться согласно развитию человеческих потребностей — правом собственности». Он увидел «ужасную иронию» действительности в том, что принужден был доказывать и защищать социалистическую идею — «право мысли, право чувства» — правом частной собственности, «вещью» защищать «свое нравственное я»¹³⁸. Между тем Семевский всерьез принимал аргументы Петрашевского, делая вывод, что он, «действительно стремился завести фаланстер среди крестьян»¹³⁹.

Что касается рассказа В. Р. Зотова, то он безусловно является легендарным. Зотов рассказывал историю будто бы задуманного Петрашевским переселения, принадлежавшего ему «выселка из семи дворов» в «фаланстерию в лесу». На рождество 1847 г., накануне приказанного им перехода в благоустроенный общий дом, крестьяне сожгли будто бы этот дом со всем имуществом¹⁴⁰.

Бессмыслица этого рассказа очевидна не говоря о нелепости устроить фаланстер для семи дворов, надо отметить, что если об этом деле мог знать весьма далекий от Петрашевского Зотов, то могли знать и другие его знакомые, но рассказ этот больше никем не подтверждается.

* * *

В воззрениях русских демократов и социалистов 40-х годов сливались задачи демократического и социалистического преобразований. Задача уничтожения крепостничества, неотложная и связанная с коренными материальными интересами миллионов масс, встречала упорное сопротивление со стороны помещиков и крепостнического государства. «Крепостническое поместное сословие», указывал В. И. Ленин, было в России гораздо более крепким, могучим, всемогущим, чем где-либо в другой

¹³⁷ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 72—73

¹³⁸ Там же, стр. 21—22. Показание «Что вы желали объяснить о системе Фурье» (стр. 71—75) написано ранее этого показания.

¹³⁹ В. И. Семевский М. В. Бугаевич-Петрашевский и петрашевцы М., 1922, стр. 176.

¹⁴⁰ В. Р. Зотов Петербург в 40-х годах «Исторический вестник», 1890, № 6, стр. 541—543.

стране, «с величайшим сопротивлением уступало оно частички своих привилегий»¹⁴¹.

Демократическая мысль в этих исторических условиях шла к признанию крестьянской революции единственным способом свержения крепостничества. Эта же историческая обстановка отрезвляла русских социалистов от утопических иллюзий о легкости уничтожения старого и установления нового, от либеральных надежд на сочувствие имущих классов. Передовые деятели 40-х годов сознавали величайшую трудность социалистического преобразования. Но, веря в осуществимость социализма, признавая себя «жаркими защитниками» его, как объявляли себя на следствии Ханьков и другие петрашевцы¹⁴², они искренне считали своим общественным долгом бороться за социализм в России, «в невежествующем и страждущем от невежества нашем отечестве». «Социализм и Россия, — писал Петрашевский в наброске речи, — вот две крайности, вот два понятия, которые друга на друга волком воют, сказал бы Прудон, и согласить эти две крайности должно быть нашей задачей»¹⁴³.

Петрашевцы были социалистами в крепостной России, где задача общественного развития состояла в борьбе за буржуазный строй. Поэтому для них представлял огромную трудность вопрос о силах, способных к борьбе за социализм, и о методах этой борьбы. Таких сил действительно не было в тогдашней России. По этим вопросам не было и не могло быть согласованных мнений в складывающемся лагере революционной демократии. Учениям утопического революционного коммунизма, к которому примыкал Спешнев, коммунизма, характеризовавшегося стремлением к коренному переустройству общества революционным насильственным путем, Петрашевский противопоставлял фурьеризм, который «доводит до того постепенно и естественно», чего желает установить мгновенно и насильственно коммунизм. Петрашевский верил в силу примера удачного экономического опыта фаланстера и предпочитал этот путь «болезненным» и «разрушительным» революционным потрясениям, связанным с «неблагоразумной тратой сил общественных»¹⁴⁴.

Но в то же время насущные задачи борьбы против самодержавия и крепостничества для того же Петрашевского стояли на первом плане, неизбежно приводя к выводам о необходимости вовлечения народных масс в политическую борьбу. И признанный защитник «мирного» учения Фурье, Петрашевский подвергался упрекам со стороны участников кружка Кашкина за

¹⁴¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 23, стр. 16.

¹⁴² Социалистами признавали себя на следствии Европеус, Ястржембский, братья Дебу, Баласогло, П. Ламанский и др.

¹⁴³ Петрашевцы. Сборник материалов под ред. П. Е. Щеголева, т. III М.—Л., 1928. Доклад Генерал-аудиториата, стр. 41.

¹⁴⁴ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 533—534.

забвение принципов фурьеризма, за призыв заняться не только «социальной», но и политической пропагандой. А Ахшарумов, один из тех, кто упрекал Петрашевского, признавался, что готов был даже на «восстание против правительства» ради возможности осуществления фаланстеров в России. Такими сложными путями развивалась демократическая и социалистическая мысль России 40-х годов, подводя к сознанию невозможности «мирной» борьбы за социализм. Провозглашая себя ревнителями «мирных преобразований общественных», многие петрашевцы представляли себе общественную деятельность не в форме мирного распространения новых идей, а как тяжелую борьбу, сопряженную с преодолением противодействия реакционных сил.

Петрашевский, как и Герцен, и Белинский, понимал общественное развитие как борьбу старого и нового. Он сумел увидеть, что, чем сильнее будет наступление нового, тем большее сопротивление оно вызовет со стороны отживающих сил общества. «Чем важнее будет новаторство в сфере быта общественного, тем большее количество интересов оно должно потрясти, тем наибольшую реакцию встретит в нравах общественных, так что сила противодействия новаторства будет находиться в прямом отношении к его полезности»¹⁴⁵.

В обстановке разгоравшейся классовой борьбы в крепостной России русские социалисты 40-х годов сумели критически подойти к некоторым слабым сторонам западноевропейских утопических теорий. Они не только отбрасывали свойственную этим теориям религиозно-метафизическую и фантастическую оболочку, но отвергали их утопические методы, требуя, чтобы возможность общественного преобразования опиралась на реальную действительность. Если буржуазные экономисты, указывал Милютин, унижая науку, «признают все действительное справедливым», то утопические социалисты, «признавая все справедливое возможным», отрицают самую действительность, «нисколько не принимая ее в соображение при построении своих теорий»¹⁴⁶.

Не случайно на русской почве была поднята проблема превращения утопии в науку, самая постановка которой являлась критикой утопического социализма. Проблема превращения утопии в науку, мечты в действительность, поставленная В. Милютиным в 1847 г., отражала основную потребность развивающейся революционно-демократической общественной теории — опереться на действительность в своих построениях.

Тот факт, что передовые русские люди 40-х годов «дошли до сознания неудовлетворительности утопического социализма»,

¹⁴⁵ Карманный словарь, стр. 256 («Новаторство»). В тексте опечатка: «в обратном отношении»

¹⁴⁶ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 353.

Г. В. Плеханов оценил как свидетельство их выдающейся даровитости¹⁴⁷. Но в силу отсталости общественного строя в России, проблема эта не могла быть разрешена русской общественной мыслью. Эта мысль не могла пойти по тому пути, который в условиях сильно развитых противоречий капиталистического общества и революционной борьбы рабочего класса привел Маркса и Энгельса к созданию теории научного социализма.

Милютин ставил вопрос о сведении общественной науки на почву действительности, на материалистическую основу. Он протестовал против волюнтаристических тенденций приписывания человеку «власти изменять по произволу устройство общественных отношений». Положительный метод в общественных науках, по его мнению, состоял «именно в том, чтоб доказать существование этих не зависящих от воли человека законов, и уничтожить, таким образом, заблуждение относительно неограниченной власти людей над миром общественных явлений». Это, конечно, глубоко материалистическое положение. Милютин был твердо уверен, что положительная философия, доказав «несбыточность самолюбивых притязаний человека», должна доставить ему «взамен утрачиваемых им иллюзий недоступную для него в настоящее время возможность рационального предвидения предстоящих видоизменений»¹⁴⁸.

В основе проблемы об условиях перехода идеала в действительность путем превращения утопии в науку лежало положение о том, что идеи и теории порождаются жизнью, отвечают на потребности общественного развития, являются осознанием этих потребностей. «Действительность,— писал Милютин,— сама по себе не противоборствует мечте, но напротив, вызывает ее и производит». Он видел огромное преимущество социалистических школ перед буржуазными теориями в том, что они опираются на «науку народного благосостояния», «заботятся преимущественно о решении экономических задач, об организации хозяйственных отношений», что они «как будто были вызваны самой силой обстоятельств, т. е. экономическими и общественными событиями настоящей эпохи». Утопия есть «предвидение *будущей* действительности», она имеет характер пророчества, апелляции от настоящего к будущему». Утопия неминуемо обгоняет действительность, из которой она исходит, и развивается быстрее самой жизни. «Между идеалом и действительностью... нет никакого противоречия, развитие идей соответствует развитию самой жизни», и то, что сначала является только идеей, впоследствии превращается мало-помалу в действительность.

¹⁴⁷ Г. В. Плеханов Соч., т. 23, 1926, стр. 408

¹⁴⁸ В. А. Милютин Указ. соч., стр. 365, 382—383.

Милютин рассматривал превращение утопии в науку как эволюционный процесс, вытекающий из самого факта научного познания действительности, в результате которого утопия «сама собой и вследствие присущей ей силы развития переходит в науку», превращается в идею «совершенно практическую», вполне способную к переходу в сферу действительности¹⁴⁹. Как и другие петрашевцы, он не понимал, что социализм становится действительностью лишь в результате длительной и упорной классовой борьбы и победы рабочего класса над оживающими силами общества.

Демократы 40-х годов приветствовали борьбу неимущих, обездоленных классов против угнетателей, видя в ней, прежде всего, борьбу за человеческие права, пробуждение человеческого достоинства в угнетенных. Напряженность классовых противоречий в крепостной России позволяла видеть в эксплуатируемом классе не только терпящую лишения и страдающую массу, как это видели утопические социалисты, но мощную силу, способную дать отпор угнетателям. Петрашевский несколько раз высказывал эту мысль, облекая ее в форму физического закона о соотношении силы давления и расширения, который объясняет «неожиданность и силу общественных переворотов»¹⁵⁰.

Герцен в 1848 г. увидел во французском рабочем самоотверженную революционную силу и громко заявил о своей вере в его будущее избавление от эксплуатации «Сила социальных идей велика,— писал Герцен,— особенно с тех пор, как их начал понимать истинный враг, враг по праву существующего гражданского порядка — пролетарий, работник, которому досталась вся горечь этой формы жизни и которого миновали все ее плоды»¹⁵¹.

Петрашевцы представляли борьбу угнетенных и эксплуатируемых как закономерное явление в каждом обществе. Классовая борьба была, по мнению Милютина, показателем жизненных сил общества. Отвергая причитания славянофилов о гнилости Европы, зараженной социальными смутами, Милютин писал «Близоруким судьям Запада можно сказать, что они смотрят и не видят, слушают и не слышат. Они не понимают, что эта борьба интересов есть признак не распада, а жизни, что она показывает не гнилость общества, а напротив, его зрелость, его свежесть, его силу над этим противоречием мнений и убеждений возвышается стремление к добру. И можно ли назвать устарелым то общество, которое сознает в себе несправедливость и силится победить ее?»¹⁵².

Ханыков видел идущий «через всю историю в различных видах» закон, выражающий «отрицание естественных прав», закон победителей и побежденных. Он видел проявление этого закона в борьбе демотов с эвпатридами в Греции, плебеев с патрициями в Риме, в борьбе освобожденной личности с авторитетом, в борьбе расколов, партий, сословий в средние века, наконец, в борьбе «крестьян, промышленных комюнов с вассалами», и в наше время в борьбе «пролетариев с капиталистами». Но основой этой борьбы он признавал «неудовлетворенность страстей» и в социализме видел восстановление естественных прав людей, уничтожение борьбы, высшее начало «всемирного примирения, всеобщей свободы, счастья»¹⁵³.

Сочувствуя борьбе рабочего класса, передовые деятели 40-х годов были очень далеки от понимания революционной роли пролетариата. Несмотря на то, что некоторые петрашевцы читали «Нищету философии», им осталась недоступной диалектическая постановка вопроса о революционной разрушительной стороне нищеты рабочего класса, той стороне, которая низвергает старое общество, которая, входя в научное сознание, делает науку из утопической и доктринерской — революционной¹⁵⁴. Этих специфических условий существования рабочего класса, делающих его мощной общественной силой, предназначенной стать могильщиком капитализма, борцом за полное уничтожение всех эксплуататорских общественных отношений, конечно, не могли видеть русские люди ни в самый момент складывания теории научного социализма, ни позже, пока эти вопросы не оставило перед ними развитие рабочего движения в самой России.

Передовые мыслители 40-х годов не могли, в силу условий русской жизни, совершить переворот в общественной науке, поставив ее на материалистическую основу, хотя они пытались идти в этом направлении. Ответы на поставленные ими вопросы мог дать только исторический материализм.

¹⁵³ «Дело петрашевцев» т. III, стр. 17.

¹⁵⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 4, стр. 146.

¹⁴⁹ Там же, стр. 345—347—348, 350.

¹⁵⁰ «Дело петрашевцев» т. I, стр. 56.

¹⁵¹ А. И. Герцен Собр. соч. т. 6, стр. 55.

¹⁵² В. А. Милютин Указ. соч. стр. 162.

Тематически связанные ссылки:

Революционеры и либералы России / Сб. науч.статей к 100-летию Б.П.Козьмина

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80110457.htm>

И.Пантин, Е.Плимак, В.Хорос. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p140487680.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: перв. половина XIX в.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p48143253.htm>

Т.Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак Термидора

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/therm_condr.htm

Э.Лабрусс. Как французская революция блестяще объясняет

и оправдывает героическую историю русской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/labrousse_fe-71.pdf

Великая французская революция и русская литература / Сб. статей

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p68490613.htm>

М.Покровский. Очерки русского революционного движения XIX - нач. XX вв.

Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б.) зимою 1923-24 г.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72402016.htm>

В.Алексеев-Попов. Значение опыта Великой французской революции

для русского рабочего движения накануне и в период революции 1905-1907 гг.

Б.Вебер. В.И.Ленин и историческое наследие якобинцев